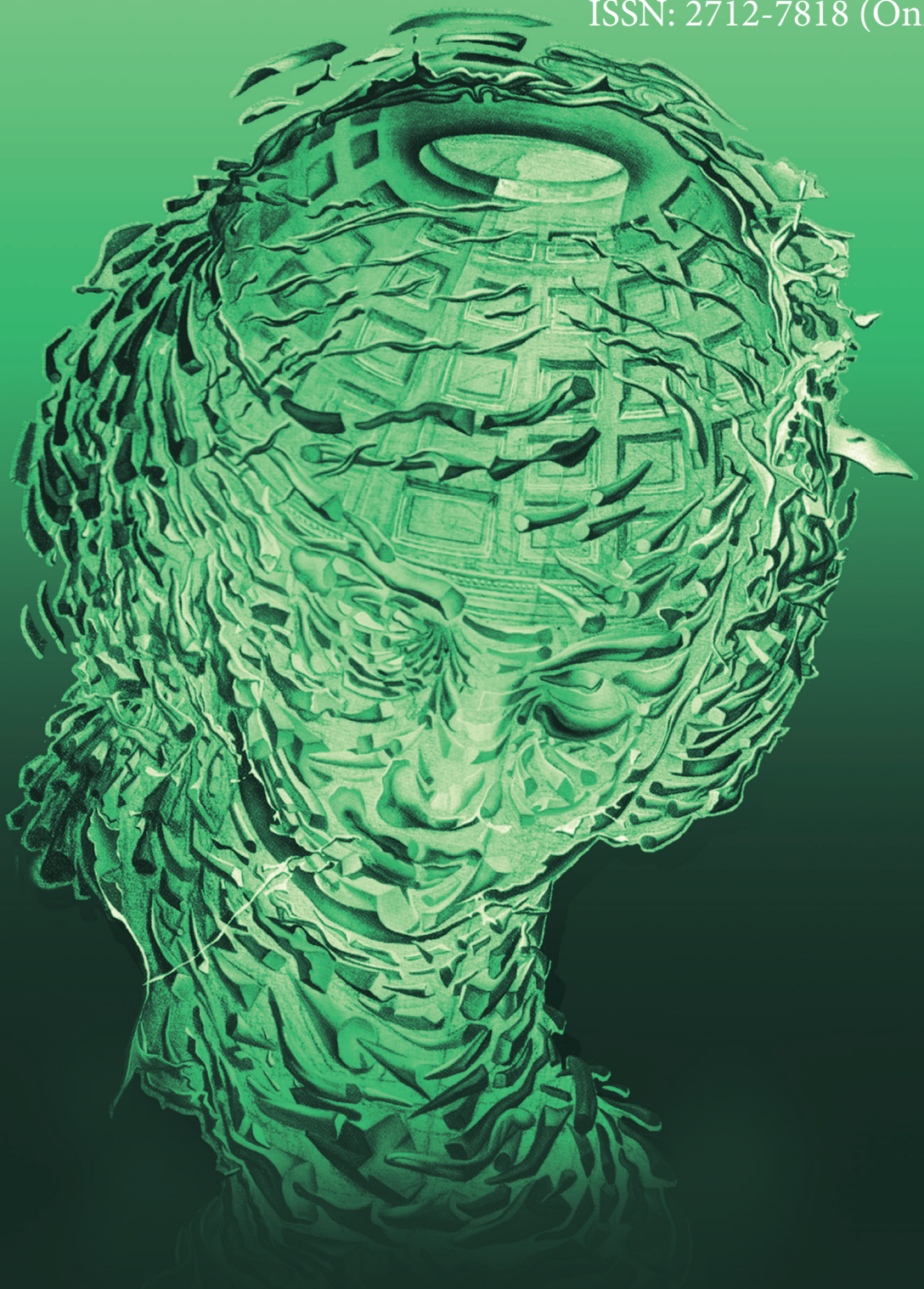
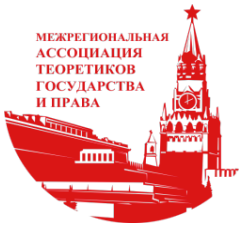
Юридическая мысль

№ 4, 2023

ISSN: 2071-4920 (Print)
ISSN: 2712-7818 (Online)





Юридическая мысль

2023 4 (132)

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

9 772071 492787

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. по 2019 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.Л. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Середа, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор;

А.А. Матюхин, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarskiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартьянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полищук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Кари Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА
в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2023»
Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2023 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ruarpk@bk.ruizdatcat@eg-online.ru

в **Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»**
Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2023 г.)
Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: http://lawinst-spb.ru; http://matgip.ru
E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founderand Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

A.A. Matyukhin, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education “Law Institute” (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:
199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3
Юридический институт (Санкт-Петербург)
Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru
119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12
МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.12.2023. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 13,57. Усл. п.л. 7,65. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии “OneBook.ru” ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 4 (132), 2023

На обложке – фрагмент картины
С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

В НОМЕРЕ ПУБЛИКУЮТСЯ:

МАТЕРИАЛЫ
X Международной научно-теоретической конференции
(12–13 октября 2023 года, г. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита)

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития»

X International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context of informatization and digitalization of Russian society in the interests of sustainable development”

ОТ ИМЕНИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

«МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ

ТЕОРЕТИКОВ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

БЛАГОДАРЮ МАГИСТРАНТОВ

КАФЕДРЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ

И ФИНАНСОВЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ

ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА

ЗА АКТИВНОЕ УЧАСТИЕ В ДЕНИСОВСКИХ ЧТЕНИЯХ!

Президент Ассоциации С.А. Комаров

Юридическая мысль

2023 НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 4 (132)
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Барабанов А.А.
Юридическая ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр в Российской Федерации..... 10

Бганба Е.Т.
Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации..... 16

Гурышева К.В.
Этические проблемы, возникающие при разработке и использовании цифровых технологий в государственно-правовой сфере..... 26

Ерофеев К.Б.
Периодизация церковно-государственных отношений в период советской власти (1917–1991 гг.)..... 35

Заботкин Г.А., Юдин В.И., Явид Я.А.
Увидим ли святыни православные?..... 46

Саная Т.З.
Этические и моральные аспекты цифровой экономики: необходимость разработки этических стандартов для бизнеса и потребителей..... 58

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Мухин А.И.
Проблемы использования электронных платежных средств в эпоху цифровизации..... 68

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Юнаева Д.О.
История развития правового регулирования института несостоятельности (банкротства): перспективы и цифровые инновации..... 78

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гареев М.Ф.
Социально-экономическое положение, преступность и меры уголовно-правового воздействия в эпоху трех русских революций..... 86

Харазия С.С.
Искусственный интеллект в правоприменительной деятельности: теоретические основы, перспективы и правовые риски..... 98

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Barabanov A.A.
Legal responsibility for the illegal organization and conduct of gambling in the Russian Federation..... 13

Bganba E.T.
Subject of law and the dynamics of its legal status in the conditions of digitalization..... 21

Gurysheva K.V.
Ethical problems arising in the development and use of digital technologies in the state legal sphere..... 30

Erofeev K.B.
Periodization of church-state relations during the period of Soviet power (1917–1991)..... 40

Zabotkin G.A., Yudin V.I., Yavid Y.A.
Will we see Orthodox shrines? 52

Sanaya T.Z.
Ethical and moral aspects of the digital economy: the need to develop ethical standards for business and consumers..... 63

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Mukhin A.I.
Problems of using electronic means of payment in the era of digitalization 73

5.1.3. – PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

Yunaeva D.O.
History of the development of legal regulation of the institution of insolvency (bankruptcy): prospects and digital innovations 82

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

Gareev M.F.
Socio-economic situation, crime and measures of criminal law in the era of three Russian revolutions 92

Kharazia S.S.
Artificial intelligence in law enforcement: theoretical foundations, prospects and legal risks..... 103

Индексация журнала

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РИНЦ

ULRICHSWEB™
GLOBAL SERIALS DIRECTORY

doi Crossref

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.10

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Барабанов*

Аннотация. В статье дается анализ законодательства и судебной практики в Российской Федерации относительно незаконной организации и проведения азартных игр. Рассматривается законодательная база, которая регулирует эту сферу, а также различные виды ответственности, описываются процедуры административного и уголовного наказания. Автор выделяет роль судебной практики в данной области и обсуждает её значимость для соблюдения законности и правопорядка. Полученные результаты помогут понять последствия незаконной деятельности в сфере азартных игр и подчеркнуть необходимость соблюдения законодательства.

Ключевые слова: незаконная организация, ответственность, уголовный кодекс, азартные игры, анализ законодательства, судебная практика, преступление, обвиняемый, суд.

В России азартные игры являются одним из самых популярных видов развлечений. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» устанавливает, что под азартной игрой понимается основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры [3].

Однако, в российском законодательстве предусмотрены ограничения в организации и проведении азартных игр, имеются определенные виды азартных игр, которые запрещены для организации и проведения. Неза-

* **Барабанов Александр Андреевич**, студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: bar.aleksandr1999@gmail.com

конная организация и проведение азартных игр может повлечь за собой юридическую ответственность, как для физических, так и для юридических лиц. В случае нарушения законодательства в данной сфере, лица, организующие или проводящие азартные игры без соответствующего разрешения, могут быть привлечены к юридической ответственности. Юридическая ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр может выражаться в штрафах, административном наказании, лишении права заниматься данной деятельностью, а также в уголовной ответственности в случае совершения тяжких преступлений.

Одной из новелл законодательства Российской Федерации 2011 года стало введение Федеральным законом от 20.07.2011 г. № 250-ФЗ в Уголовный Кодекс РФ статьи 171.2, которая предусматривает уголовную ответственность за незаконные организацию и проведение азартных игр [2].

Так, преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, совершается путем активных действий (организацией и (или) проведением азартных игр), значит, совершение данного преступления в форме бездействия невозможно. Также данный состав преступления относится к формальным, поэтому в данном случае для выполнения состава преступления будет достаточно одного обязательного признака состава преступления, а именно деяния. Таким образом, преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, будет окончено с момента его совершения, независимо от наступления последствий [6, с. 223].

Тем самым, преступление, предусмотренное ст. 171.2 УК РФ, может быть выполнено как незаконная организация азартных игр; незаконное проведение азартных игр; незаконные организация и проведения азартных игр.

В содержании ст. 171.2 УК РФ было упоминание о крупном и особо крупном размере полученных доходов. Диспозиция нормы звучала следующим образом: «Организация и (или) проведение азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны, либо с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также средств связи, в том числе подвижной связи, либо без полученного в установленном порядке разрешения на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне, сопряженные с извлечением дохода в крупном размере» [7, с. 129]. Так, деяния, отвечающие признакам, предусмотренным ст. 171.2 УК РФ, но связанные с получением дохода в меньшем размере подпадали под действие административного законодательства. В связи с этим из ч. 1 ст. 171.2 УК РФ была изъята формулировка «сопряженные с извлечением дохода в крупном размере». Тем самым, был изменен состав преступления с материального на формальный. Но после данных изменений возникла другая проблема: теперь диспозиция ст. 171.2 УК РФ идентична диспозиции ст. 14.1.1 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [1].

Судебная практика в данной сфере также играет важную роль. Суды, рассматривая дела об административных нарушениях и преступлениях, связанных с незаконной организацией и проведением азартных игр, в ходе судебных разбирательств уточняют обстоятельства дела, оценивают пове-

дение и действия обвиняемых, а также принимают решения о привлечении их к ответственности.

Отметим, что Конституционным судом РФ (далее – КС РФ) было вынесено определение от 24.06.2021 г. № 1343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ащауловой В.А. на нарушение ее конституционных прав положением ст. 171.2 УК РФ», в соответствии с которым КС РФ отказал в принятии к рассмотрению подобной жалобы, поскольку ранее Постановлением судьи ВС РФ было отказано в передаче кассационной жалобы адвоката осужденной для рассмотрении в судебном заседании суда кассационной инстанции, поскольку действиям Ащауловой В.А. дана правильная оценка деяния согласно ч.1 ст. 171.2 УК РФ [4].

Самая распространенная судебная практика в рамках ст. 171.2 УК РФ встречается и в постановлении Кировского районного суда г. Ярославля от 21.06.2023 г., в соответствии с которым Цветкову В.Ю., обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 171.2 УК РФ была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу на основании ст. 255 УК РФ на срок 2 месяца с момента фактического задержания подсудимого [5].

Таким образом, законодательство России строго регулирует организацию и проведение азартных игр, при этом предусматривается юридическая ответственность за нарушение данных правил. Судебная практика также играет важную роль в данной сфере, обеспечивая соблюдение законности и правопорядка. В этой связи важно учитывать, что необходимо соблюдать требования закона в целях предотвращения негативных последствий в виде юридической ответственности.

Библиографический список

1. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // www.consultant.ru

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) // www.consultant.ru

3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 244-ФЗ (ред. от 19.10.2023) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ащауловой Вероники Андреевны на нарушение ее конституционных прав положением статьи 171.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» //www.consultant.ru

5. Апелляционное постановление № 22-1620/2023 от 12.07.2023 г. по делу № 1-23/2023 // https://sudact.ru/regular/doc/7XP02IcjWa1P/?ysclid=lsdh5zql30437550203

6. *Башмаков П.А.* Предупреждение преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр // Право и управление. – 2023. – № 4. – С. 222–227.

7. *Новикова Т.Ю., Евсикова Е.В., Щелкогонова Е.В.* Некоторые вопросы теории и практики привлечения к уголовной ответственности за незаконную организацию и проведение азартных игр // Ученые записки Крымского федерального

университета имени В.И. Вернадского. – Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). – № 2. – С. 126–140.

Для цитирования: *Барабанов А.А.* Юридическая ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр в Российской Федерации: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 10–13.
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.10

LEGAL RESPONSIBILITY FOR THE ILLEGAL ORGANIZATION AND CONDUCT OF GAMBLING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexander A. Barabanov*

Annotation. The article provides an analysis of legislation and judicial practice in the Russian Federation regarding the illegal organization and conduct of gambling. The legislative framework that regulates this area, as well as various types of liability are considered, and the procedures for administrative and criminal punishment are described. The author highlights the role of judicial practice in this area and discusses its significance for compliance with law and order. The findings will help to understand the consequences of illegal gambling activities and highlight the need for legal compliance.

Key words: illegal organization, liability, criminal code, gambling, analysis of legislation, judicial practice, crime, accused, court.

In Russia, gambling is one of the most popular forms of entertainment. Federal Law No. 244-FZ dated December 29, 2006 (as amended on October 19, 2023) “On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” establishes that gambling refers to a risk-based agreement to win, concluded by two or more participants in such an agreement between themselves or with the organizer of a gambling game according to the rules established by the organizer of a gambling game [3].

However, Russian legislation provides for restrictions on the organization and conduct of gambling; there are certain types of gambling that are prohibited for organization and conduct. Illegal organization and conduct of gambling may entail legal liability for both individuals and legal entities. In case of violation of legislation in this area, persons organizing or conducting gambling without appropriate permission may be held legally liable. Legal liability for the illegal organization and conduct of gambling can be expressed in fines, administrative punishment, deprivation of the right to engage in this activity, as well as criminal liability in the case of serious crimes.

One of the innovations in the legislation of the Russian Federation in 2011 was the introduction by Federal Law No. 250-FZ of July 20, 2011 into the Criminal Code of the Russian Federation of Article 171.2, which provides for criminal liability for the illegal organization and conduct of gambling [2].

* **Barabanov Alexander Andreevich,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University. M.V. Lomonosov. E-mail: bar.aleksandr1999@gmail.com

Thus, the crime provided for in Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, is committed through active actions (organizing and (or) conducting gambling), which means that committing this crime in the form of inaction is impossible. Also, this corpus delicti is a formal one, therefore, in this case, to fulfill the corpus delicti, one mandatory element of the crime, namely the act, will be sufficient. Thus, the crime provided for in Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation will end from the moment it is committed, regardless of the onset of consequences [6, p. 223].

Thus, the crime provided for in Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, can be carried out as an illegal organization of gambling; illegal gambling; illegal organization and conduct of gambling.

In the content of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation there was a mention of large and especially large amounts of income received. The disposition of the norm was as follows: "Organization and (or) conduct of gambling using gaming equipment outside the gambling zone, or using information and telecommunication networks, including the Internet, as well as communication means, including mobile communications, or without permission obtained in the prescribed manner to carry out activities related to organizing and conducting gambling in the gambling zone, associated with generating large-scale income" [7, p. 129]. Thus, acts that meet the criteria provided for in Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, but related to the receipt of income in a smaller amount were subject to administrative legislation. In this regard, from Part 1 of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, the wording "associated with the extraction of income on a large scale" was removed. Thus, the corpus delicti was changed from material to formal. But after these changes, another problem arose: now the disposition of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is identical to the disposition of Art. 14.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation) [1].

Judicial practice in this area also plays an important role. Courts, when considering cases of administrative violations and crimes related to the illegal organization and conduct of gambling, during legal proceedings clarify the circumstances of the case, evaluate the behavior and actions of the accused, and also make decisions on bringing them to justice.

Let us note that the Constitutional Court of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitutional Court of the Russian Federation) issued a ruling dated June 24, 2021 No. 1343-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen V.A. Ashchaulova." for violation of her constitutional rights by the provisions of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation," according to which the Constitutional Court of the Russian Federation refused to accept such a complaint for consideration, since earlier, by a decision of a judge of the Supreme Court of the Russian Federation, it was refused to transfer the cassation complaint of a lawyer convicted for consideration in a court hearing of the cassation court, since the actions of V.A. Ashchaulova . a correct assessment of the act was given in accordance with Part 1 of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [4].

The most common judicial practice under Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation is also found in the resolution of the Kirovsky District Court of Yaroslavl dated June 21, 2023, according to which Tsvetkov V.Yu., accused of committing a crime under Part 2 of Art. 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, a preventive measure was chosen in the form of detention on the basis of Art. 255 of the Criminal Code of the Russian Federation for a period of 2 months from the date of actual detention of the defendant [5].

Thus, Russian legislation strictly regulates the organization and conduct of gambling, while providing for legal liability for violation of these rules. Judicial practice also plays an important role in this area, ensuring compliance with law and order. In this regard, it is important to take into account that it is necessary to comply with the requirements of the law in order to prevent negative consequences in the form of legal liability.

Bibliography

1. "Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" dated December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on December 25, 2023) // www.consultant.ru

2. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996. No. 63-FZ (as amended on December 25, 2023) (as amended and supplemented, entered into force on December 30, 2023) // www.consultant.ru

3. Federal Law of December 29, 2006 No. 244-FZ (as amended on October 19, 2023) "On state regulation of activities related to the organization and conduct of gambling and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" // www. consultant.ru

4. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 24, 2021 N 1343-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Veronika Andreevna Ashchaulova about the violation of her constitutional rights by the provisions of Article 171.2 of the Criminal Code of the Russian Federation" //www.consultant .ru

5. Appeal resolution No. 22-1620/2023 of July 12, 2023 in case No. 1-23/2023 // https://sudact.ru/regular/doc/7XP02IcjWa1P/?ysclid=lsdh5zql30437 550203

6. Bashmakov P.A. Prevention of crimes in the sphere of illegal organization and conduct of gambling // Law and Management. 2023. No. 4. P. 222–227.

7. Novikova T.Yu., Evsikova E.V., Shchelkogonova E.V. Some questions of the theory and practice of bringing to criminal liability for the illegal organization and conduct of gambling // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2021. T. 7 (73). No. 2. P. 126–140.

For citation: Barabanov A.A. Legal responsibility for the illegal organization and conduct of gambling in the Russian Federation: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 13–15.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.10

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.11
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.16

СУБЪЕКТ ПРАВА И ДИНАМИКА ЕГО ПРАВОВОГО СТАТУСА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.Т. Бганба*

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу динамики правового статуса субъектов в условиях цифровизации. Эпоха цифровых технологий привносит радикальные изменения во многие аспекты общественной жизни, в том числе в правовую сферу. Актуальность данной темы обусловлена стремительным развитием технологий и необходимостью адаптации правовых норм к новым вызовам.

Цель данного исследования – комплексный анализ влияния цифровизации на правовой статус субъектов, выявление новых вызовов и перспектив, а также разработка предложений по адаптации правовой системы к изменяющимся условиям.

Особое внимание в статье уделяется вопросам, связанным с изменением правового статуса как традиционных субъектов права (физических и юридических лиц), так и новых субъектов, возникающих в результате технологического прогресса, таких как искусственный интеллект и цифровые платформы**.**

Ключевые слова: цифровизация, правовой статус, субъект права, правоотношения, цифровая трансформация, цифровая трансформация, информационная цивилизация, цифровые новации.

Традиционно, правовой статус субъекта определяется через призму гражданских, имущественных и неимущественных прав и обязанностей. Однако с появлением цифровых технологий эта парадигма претерпевает значительные изменения, вводятся эспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций [1], что требует совершенствования государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций [2].

В эпоху цифровизации, субъект права приобретает новые черты. Так, появление искусственного интеллекта, автономных систем и цифровых платформ порождает вопросы о расширении круга субъектов права. Это вызывает необходимость переосмысления традиционных категорий, таких как правоспособность и дееспособность, в контексте цифровых акторов.

Цифровизация оказывает влияние и на правовые системы в целом, привнося изменения в правовые нормы и практику их применения. Вопросы конфиденциальности данных, интеллектуальной собственности и договорного права приобретают новые измерения в свете распространения

* **Бганба Екатерина Темуровна**, студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: bganba99@inbox.ru

цифровых технологий. Это требует адаптации существующего правового регулирования, а также разработки новых подходов и нормативов [3, 12].

Теоретические подходы к правам и обязанностям субъектов в цифровой среде также претерпевают изменения [11, 14]. В условиях цифровой реальности появляются новые формы взаимодействия и связи, что влечёт за собой изменения в понимании и реализации прав и обязанностей. Примером могут служить вопросы, связанные с правами на цифровые активы, защитой персональных данных и цифровой идентичностью [4, 10].

Таким образом, цифровая эра предъявляет новые требования к правовой науке, стимулируя развитие новых теоретических подходов и исследований, направленных на адаптацию правовой системы к изменяющимся условиям [5, 6, 7, 8, 9, 16].

Проблемы и перспективы субъектов права в цифровой среде. В цифровую эпоху, правовой статус субъектов права переживает значительные трансформации. Особое внимание заслуживает влияние цифровизации на физических и юридических лиц. С ростом информационных технологий, права и обязанности этих субъектов расширяются и усложняются, особенно в контексте защиты персональных данных, цифровой идентичности и электронных договорных отношений.

Особый интерес представляет появление квази-субъектов права, таких как искусственный интеллект и автономные системы. Эти новые формы правосубъектности вызывают вопросы о правоспособности и ответственности в цифровом мире. Правовые системы сталкиваются с необходимостью адаптации к таким изменениям, включая разработку новых правовых норм и стандартов.

Цифровизация привносит также множество проблем и вызовов. Вопросы конфиденциальности, кибербезопасности и влияние на традиционные правовые понятия и структуры требуют внимательного рассмотрения и обновления законодательства, изменения языка правотворчества [18]. Проблемы, связанные с цифровой идентичностью и правами на цифровые активы, становятся все более актуальными.

Одной из проблем, с которой сталкиваются субъекты права в условиях цифровизации, является цифровое неравенство. Не все субъекты имеют доступ к цифровым технологиям и Интернету. Это может привести к ограничению прав доступа к информации, образованию и услугам, которые предоставляются исключительно в электронном формате. Правительства и организации должны предпринять меры для устранения цифрового разрыва и обеспечения равноправного доступа к цифровым технологиям всем субъектам права.

Еще одной проблемой, связанной с динамикой правового статуса субъекта права в условиях цифровизации, является вопрос о цифровой безопасности. Развитие технологий и использование электронных систем хранения и передачи данных означает, что субъекты права должны обеспечить защиту своей информации от несанкционированного доступа и использования. Вместе с этим, государство и организации должны принять меры для обеспечения безопасности информационных систем и защиты персональных данных субъектов права.

Перспективы развития правового статуса субъектов в цифровую эпоху обещают быть многообещающими. Правовые системы должны адаптироваться к новым условиям, предлагая гибкие и инновационные подходы к регулированию цифровых сущностей. Необходимо развитие правовой базы для эффективного реагирования на цифровые вызовы, что включает в себя не только создание новых законов, но и пересмотр существующих нормативов.

В данной связи можно констатировать что, цифровая эра предъявляет новые требования к правовой системе, стимулируя развитие новых подходов и исследований. Этот раздел освещает сложности и возможности, которые цифровизация представляет для правовой системы, а также определяет пути эффективного решения возникающих вопросов [15].

Развитие цифровых технологий, особенно в области искусственного интеллекта и робототехники, приводит к фундаментальным изменениям в индивидуальных правах и обязанностях. Это переосмысление затрагивает не только технические аспекты, но и правовую доктрину, влияя на подходы к правам человека и общественным обязанностям.

С одной стороны, цифровизация расширяет возможности защиты прав, например, в области защиты персональных данных и доступа к информации. С другой стороны, она порождает новые риски и вызовы, такие как вопросы конфиденциальности, кибербезопасности и этические дилеммы, связанные с использованием искусственного интеллекта.

Существенные изменения происходят в договорном праве, где цифровые технологии влияют на формирование, исполнение и расторжение договоров. Электронная коммерция, цифровые платежные системы и блокчейн-технологии представляют собой новые вызовы для регулирования и правоприменения. Это требует пересмотра и адаптации существующих законодательных рамок, чтобы они соответствовали новым реалиям цифровой эпохи.

Кроме того, примеры судебной практики и законодательных инициатив подчеркивают важность адаптации правовой системы к изменяющимся условиям [13, с. 39]. Решения судов по делам, связанным с цифровыми технологиями, отражают развитие понимания и применения законов в условиях новых технологических реалий. Анализ этих решений и законодательных инициатив демонстрирует попытки интегрировать цифровые технологии в правовую систему, сохраняя при этом основные принципы права и справедливости.

Таким образом, цифровая эра требует глубокого и всестороннего осмысления того, как технологии изменяют правовую среду. Это включает в себя не только прямые юридические изменения, но и более широкий контекст социальных, этических и экономических вопросов.

Адаптация правовой системы к этим изменениям является ключевым элементом обеспечения защиты прав и свобод в цифровую эпоху.

Юридические и этические дилеммы цифровой эпохи. В эпоху цифровизации юридические и этические вопросы становятся особенно актуальными. Проблемы конфиденциальности и защиты данных в цифровой среде занимают центральное место в обсуждении.

С увеличением объема персональных данных, собираемых и обрабатываемых онлайн, возрастает необходимость в эффективных мерах по обеспе-

чению их безопасности и конфиденциальности. Это влечет за собой обновление законодательства и внедрение новых технологий защиты данных.

Использование искусственного интеллекта и автоматизированных систем ставит перед юридическим сообществом новые задачи. Вопросы ответственности и этического использования таких технологий требуют детального рассмотрения и разработки соответствующих правовых рамок.

Проблемы, возникающие в связи с автономными и самообучающимися системами, представляют собой новый класс этических дилемм. Например, вопросы принятия решений автоматизированными системами и их влияние на права и свободы человека.

Цифровизация оказывает значительное влияние на права человека и общественные свободы. В частности, она затрагивает право на конфиденциальность и информационную безопасность. Появляются новые вызовы, связанные с защитой личной информации в интернете и контролем над распространением данных.

Важным аспектом является регулирование цифровых технологий и отслеживание их социального влияния [17]. Необходимо разрабатывать законодательные инициативы, способные адаптироваться к быстро меняющемуся цифровому ландшафту.

Правовые конфликты, возникающие в связи с цифровыми технологиями, демонстрируют сложность и многообразие вопросов, которые нужно учитывать при формировании законодательства.

В контексте глобальной цифровой интеграции, правовые вызовы и возможности становятся еще более масштабными. Международное сотрудничество и согласование законодательных подходов становятся ключевыми для обеспечения эффективного регулирования в глобальном цифровом пространстве.

Основные выводы существующих по данное проблематике исследований указывают на необходимость адаптации правовой системы к новым реалиям. Это включает в себя разработку новых законодательных и нормативных актов, учитывающих особенности цифровой эры, и пересмотр уже существующих норм в контексте новых технологий.

Важно также подчеркнуть необходимость международного сотрудничества в регулировании цифровых технологий, поскольку цифровизация не знает границ и затрагивает мировое сообщество.

Будущее исследований в этой области должно сосредоточиться на дальнейшем изучении влияния цифровых технологий на правовые нормы и практики. Это включает в себя анализ новых вызовов, связанных с кибербезопасностью, защитой данных, а также этическими и моральными аспектами использования искусственного интеллекта.

Образование и повышение осведомленности о правовых аспектах цифровизации играют ключевую роль в этом процессе. Необходимо обучение как юридических специалистов, так и широкой общественности вопросам прав и обязанностей в цифровую эпоху.

Влияние цифровизации на будущее права будет продолжать расти, что требует постоянного анализа и пересмотра правовых подходов. Важно, чтобы законодатели и практикующие юристы оставались в курсе послед-

них тенденций в технологическом мире и адаптировались к ним в своей работе.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что только через постоянный диалог и сотрудничество можно обеспечить развитие эффективной и справедливой правовой системы, способной отвечать на вызовы цифровой эпохи.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

2. Указ Президента РФ от 20.11.2020 №719 «О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» // www.consultant.ru.

3. *Алимова Д. Р. и др.* Исторические этапы развития отечественного законотворчества: от имперских традиций к цифровым новациям // Вопросы истории. – 2020. – № 11 (2). – С. 118–124.

4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Формы самореализации личности в информационно-цифровой среде: статья //Теория государства и права. – 2022. – № 1 (26). – С. 31–46.

5. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.

6. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–26.

7. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

8. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

9. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

10. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.

11. *Залоило М.В.* Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации // Вестник МГПУ. – Серия: Юридические науки. – 2021. – № 3 (43). – С. 104–120 // https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12

12. *Катрин Е.В.* «Цифровизация»: научные подходы к определению термина // Вестник ЗабГУ. – 2022. – № 5. – С. 49–54.

13. *Пашенцев Д. А.* Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник СПбГУ. – Право. – 2020. – Т. 11. – Вып. 1. – С. 35–49.

14. *Пашенцев Д. А.* Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. – 2019. – № 2. – С. 5–13.

15. *Синюков В. Н.* Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 9 (154). – С. 9–18.

16. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

17. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. – 2018. – № 1 (253). – С. 85–102.

18. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. – 273 с.

Для цитирования: *Бганба Е.Т.* Субъект права и динамика его правового статуса в условиях цифровизации: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 16–21.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.16

SUBJECT OF LAW AND THE DYNAMICS OF ITS LEGAL STATUS IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION

Ekaterina T. Bganba *

Annotation. This article is devoted to the analysis of the dynamics of the legal status of subjects in the context of digitalization. The digital age is bringing radical changes to many aspects of public life, including the legal sphere. The relevance of this topic is due to the rapid development of technology and the need to adapt legal norms to new challenges.

The purpose of this study is a comprehensive analysis of the impact of digitalization on the legal status of subjects, identifying new challenges and prospects, as well as developing proposals for adapting the legal system to changing conditions.

Particular attention is paid to issues related to changes in the legal status of both traditional legal entities (individuals and legal entities) and new entities arising as a result of technological progress, such as artificial intelligence and digital platforms.

Key words: digitalization, legal status, subject of law, legal relations, digital transformation, information civilization, digital innovations.

Traditionally, the legal status of a subject is determined through the prism of civil, property and non-property rights and obligations. However, with the advent of digital technologies, this paradigm is undergoing significant changes, experimental legal regimes are being introduced in the field of digital innovation [1], which requires improvement of public administration in the field of digital development, communications and mass communications [2].

In the era of digitalization, the subject of law acquires new features. Thus, the emergence of artificial intelligence, autonomous systems and digital platforms raises questions about expanding the range of legal subjects. This calls for a rethinking of traditional categories such as legal capacity and capacity in the context of digital actors.

* **Bganba Ekaterina Temurovna,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University. M.V. Lomonosov. E-mail: bganba99@inbox.ru

Digitalization also has an impact on legal systems as a whole, introducing changes to legal norms and the practice of their application. Issues of data privacy, intellectual property and contract law take on new dimensions in light of the proliferation of digital technologies. This requires adaptation of existing legal regulation, as well as the development of new approaches and standards [3, 12].

Theoretical approaches to the rights and responsibilities of subjects in the digital environment are also undergoing changes [11, 14]. In the context of digital reality, new forms of interaction and communication appear, which entails changes in the understanding and implementation of rights and responsibilities. An example is issues related to rights to digital assets, personal data protection and digital identity [4, 10].

Thus, the digital era makes new demands on legal science, stimulating the development of new theoretical approaches and research aimed at adapting the legal system to changing conditions [5, 6, 7, 8, 9, 16].

Problems and prospects of legal entities in the digital environment. In the digital era, the legal status of subjects of law is undergoing significant transformations. The impact of digitalization on individuals and legal entities deserves special attention. With the growth of information technology, the rights and responsibilities of these entities are expanding and becoming more complex, especially in the context of the protection of personal data, digital identity and electronic contractual relations.

Of particular interest is the emergence of quasi-subjects of law, such as artificial intelligence and autonomous systems. These new forms of legal personality raise questions about legal capacity and responsibility in the digital world. Legal systems are faced with the need to adapt to such changes, including the development of new legal norms and standards.

Digitalization also brings many problems and challenges. Issues of confidentiality, cybersecurity and the impact on traditional legal concepts and structures require careful consideration and updating of legislation, changing the language of lawmaking [18]. Problems related to digital identity and rights to digital assets are becoming increasingly relevant.

One of the problems faced by legal entities in the context of digitalization is digital inequality. Not all subjects have access to digital technologies and the Internet. This may lead to restrictions on access rights to information, education and services that are provided exclusively in electronic format. Governments and organizations must take action to bridge the digital divide and ensure equal access to digital technologies for all legal entities.

Another problem related to the dynamics of the legal status of a subject of law in the context of digitalization is the issue of digital security. The development of technology and the use of electronic systems for storing and transmitting data means that legal entities must ensure the protection of their information from unauthorized access and use. At the same time, the state and organizations must take measures to ensure the security of information systems and the protection of personal data of legal entities.

The prospects for the development of the legal status of subjects in the digital era promise to be promising. Legal systems must adapt to new condi-

tions, offering flexible and innovative approaches to regulating digital entities. It is necessary to develop the legal framework to effectively respond to digital challenges, which includes not only the creation of new laws, but also the revision of existing regulations.

In this regard, it can be stated that the digital era places new demands on the legal system, stimulating the development of new approaches and research. This section highlights the challenges and opportunities that digitalization presents for the legal system, and also identifies ways to effectively address emerging issues [15].

The development of digital technologies, especially in the field of artificial intelligence and robotics, is leading to fundamental changes in individual rights and responsibilities. This rethinking affects not only technical aspects, but also legal doctrine, influencing approaches to human rights and social responsibilities.

On the one hand, digitalization expands the possibilities of protecting rights, for example, in the field of protection of personal data and access to information. On the other hand, it creates new risks and challenges, such as privacy, cybersecurity, and ethical dilemmas related to the use of artificial intelligence.

Significant changes are taking place in contract law, where digital technologies influence the formation, execution and termination of contracts. E-commerce, digital payment systems and blockchain technologies present new challenges for regulation and enforcement. This requires reviewing and adapting existing legal frameworks to suit the new realities of the digital age.

In addition, examples of judicial practice and legislative initiatives emphasize the importance of adapting the legal system to changing conditions [13, p. 39]. Court decisions in cases related to digital technologies reflect the development of understanding and application of laws in the context of new technological realities. An analysis of these decisions and legislative initiatives demonstrates attempts to integrate digital technologies into the legal system while preserving the basic principles of law and justice.

Thus, the digital era requires a deep and comprehensive understanding of how technology is changing the legal environment. This includes not only direct legal changes, but also a broader context of social, ethical and economic issues.

Adapting the legal system to these changes is a key element in ensuring the protection of rights and freedoms in the digital age.

Legal and ethical dilemmas of the digital age. In the era of digitalization, legal and ethical issues become especially relevant. Issues of privacy and data protection in the digital environment are central to the discussion.

As the volume of personal data collected and processed online increases, the need for effective measures to ensure its security and confidentiality increases. This entails updating legislation and introducing new data protection technologies.

The use of artificial intelligence and automated systems poses new challenges for the legal community. Issues of responsibility and ethical use of such technologies require detailed consideration and the development of appropriate legal frameworks.

The problems raised by autonomous and self-learning systems represent a new class of ethical dilemmas. For example, issues of decision-making by automated systems and their impact on human rights and freedoms.

Digitalization has a significant impact on human rights and public freedoms. In particular, it affects the right to privacy and information security. New challenges are emerging related to the protection of personal information on the Internet and control over the dissemination of data.

An important aspect is the regulation of digital technologies and tracking their social impact [17]. It is necessary to develop legislative initiatives that can adapt to the rapidly changing digital landscape.

Legal conflicts arising in connection with digital technologies demonstrate the complexity and diversity of issues that need to be taken into account when developing legislation.

In the context of global digital integration, legal challenges and opportunities become even greater. International cooperation and harmonization of legislative approaches are becoming key to ensuring effective regulation in the global digital space.

The main conclusions of existing research on this issue indicate the need to adapt the legal system to new realities. This includes the development of new laws and regulations that take into account the features of the digital era, and the revision of existing norms in the context of new technologies.

It is also important to emphasize the need for international cooperation in regulating digital technologies, since digitalization knows no boundaries and affects the global community.

The future of research in this area should focus on further exploring the impact of digital technologies on legal norms and practices. This includes analysis of new challenges related to cybersecurity, data protection, and the ethical and moral aspects of the use of artificial intelligence.

Education and raising awareness of the legal aspects of digitalization play a key role in this process. Education is needed for both legal professionals and the general public on rights and responsibilities in the digital age.

The impact of digitalization on the future of law will continue to grow, requiring constant analysis and revision of legal approaches. It is important that legislators and legal practitioners remain aware of the latest trends in the technological world and adapt to them in their work.

To summarize the above, it can be noted that only through constant dialogue and cooperation can the development of an effective and fair legal system capable of meeting the challenges of the digital age be ensured.

Bibliography

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 258-FZ (as amended on July 2, 2021) “On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation” // www.consultant.ru.

2. Decree of the President of the Russian Federation dated November 20, 2020 No. 719 “On improving public administration in the field of digital development, communications and mass communications” // www.consultant.ru.

3. Alimova D. R. et al. Historical stages of development of domestic lawmaking: from imperial traditions to digital innovations // Questions of history. 2020. No. 11 (2). Pp. 118–124.

4. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Forms of personal self-realization in the information and digital environment: article //Theory of State and Law. 2022. No. 1 (26). P. 31–46.

5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). Pp. 38–46.

6. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in the context of information dependence: theoretical and legal aspects: article // Legal Thought. 2020. No. 2 (118). P. 9–26.

7. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal status of cyberphysical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 22–35.

8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. P. 20–36.

9. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37.

10. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27.

11. Zaloilo M.V. Subject of law and the dynamics of its legal status in the conditions of digitalization // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. – Series: Legal Sciences. 2021. No. 3 (43). P. 104–120 // https://doi.org/10.25688/2076-9113.2021.43.3.12

12. Katrin E.V. “Digitalization”: scientific approaches to defining the term // Bulletin of ZabSU. 2022. No. 5. P. 49–54.

13. Pashentsev D. A. Features of law enforcement in the conditions of digitalization of public relations // Bulletin of St. Petersburg State University. Law. 2020. T. 11. Issue. 1. Pp. 35–49.

14. Pashentsev D. A. Russian legislative tradition before the challenge of digitalization // Journal of Russian Law. 2019. No. 2. P. 5–13.

15. Sinyukov V. N. Digital law and problems of stage-by-stage transformation of the Russian legal system // Lex russica (Russian law). 2019. No. 9 (154). P. 9–18.

16. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: MATGiP, 2022. 320 p.

17. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. Law in the conditions of digital reality // Journal of Russian Law. 2018. No. 1 (253). P. 85–102.

18. The language of lawmaking in the context of digitalization of social relations: a collection of scientific works / edited by. ed. D. A. Pashentseva, M.V. Zaloilo. Moscow: IZiSP: INFRA-M, 2019. 273 p.

For citation: Bganba E.T. Subject of law and the dynamics of its legal status in the conditions of digitalization: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 21–25.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.16

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.26

ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАЗРАБОТКЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

К.В. Гурышева*

Аннотация. В настоящее время является актуальным рассмотрение сложившихся и потенциальных этических проблем, возникающих при разработке и использовании цифровых технологий в правовой сфере. В рамках быстро развивающихся систем искусственного интеллекта, разработки и использования автоматизированных информационных систем, автоматизации и цифровизации процессов принятия решений, возникает необходимость в глубоком понимании этических вызовов, с которые сталкиваются правовые системы и каких изменений требует законодательство нашей страны.

Основные этические проблемы связаны с прозрачностью алгоритмов систем искусственного интеллекта и автоматизированных информационных систем, конфиденциальностью используемой информации, вопросами ответственности за ненадлежащее использование, негативными последствиями, с которыми могут столкнуться граждане, а также влияние данных технологий на справедливость и равноправие перед законом. В работе проводится анализ нормативно-правовых актов, регулирующих распространение информации, конфиденциальность данных и использование систем искусственного интеллекта.

Исследование представляет собой систематизацию и анализ сложных аспектов взаимодействия цифровых технологий и правовой сферы с учетом этических и социальных последствий.

Ключевые слова: этические проблемы; цифровые технологии; искусственный интеллект; ответственность акторов; правовая сфера; дискриминация; законодательство в сфере распространения информации; конфиденциальность данных.

В современных условиях происходит цифровая трансформация общества, охватывающая государство, бизнес и общество в целом, налицо становление информационной (кибернетической) цивилизации, развиваются цифровые технологии, меняется информационно-правовая политика, стало реальностью цифровое (электронное) государство и цифровые права, о чем все чаще пишут в юридической литературе [8, 10, 11, 12, 13]. Цифровая трансформация затрагивает сферу государственного управления посредством разработки и использования автомати-

* **Гурышева Кристина Валерьевна,** студентка 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: cristina-gyrusheva@yandex.ru

зированных информационных систем, искусственного интеллекта, развития открытости данных и пр. При этом важно уделять особое внимание пониманию этических вопросов, возникающих при цифровизации, а также формированию норм и правил этики в сфере цифровых технологий [6, 18, 19].

Регулирование распространения информации в Российской Федерации включает в себя широкий спектр аспектов, которые направлены на обеспечение безопасности, конфиденциальности и защиты интересов человека, личности, гражданина – с одной стороны, российского общества – с другой [7, 9, 17]. Принятые законы и нормативные акты обеспечивают основу для регулирования информационных процессов в стране.

Цифровая трансформация экономической, политической, социальной, духовной сфер жизни современного российского общества, включая и правовую сферу, требует доступа к конфиденциальной информации, в соответствии с этим необходимо обеспечение защиты данных и предотвращение их неправомерного использования [15, 16].

Распространение информации в нашем законодательстве регулируется Федеральным законом № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который направлен на достижение баланса между защитой частной жизни граждан и национальной безопасности Российской Федерации. Данный федеральный закон охватывает ряд этических проблем, с которыми могут столкнуться граждане при использовании современных цифровых технологий, а именно наблюдение посредством электронных устройств, сбор личной информации и ее неправомерное использование. Закон обеспечивает этическое использование технологий наблюдения, защищает личную информацию граждан и позволяет предотвратить злоупотребление властью при доступе к информации [1].

В настоящее время ведется активная разработка и внедрение систем искусственного интеллекта в соответствии с указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации № 490 от 10.10.2019 г. согласно утвержденной Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года [3]. «Этика взаимоотношений человека и искусственного интеллекта не должна принципиально отличаться от гуманистической этики, направленной на сохранение жизни и естественной природы человека. Именно последняя и определяет содержательный смысл нового цифрового правового регулирования» [14].

В рамках использования систем искусственного интеллекта этические проблем возникают в определении ответственности за ненадлежащее использование систем искусственного интеллекта, неправомерное принятие решений, предоставление дискриминационной информации при генерации новой информации. Кто будет нести ответственность в таком случае: разработчики, операторы, пользователи? Оператор информационной системы должен предпринимать все необходимые меры, зависящие от него, чтобы гарантировать конфиденциальность информации и предотвращать незаконные действия, такие как изменение, уничтожение, блокирование, распространение информации [1]. Этически важно разграничивать и определять ответственность за алгоритмические поступки искусственного интеллекта.

Учитывая потенциальные риски, которые могут возникнуть от разработки и активного использования систем искусственного интеллекта в различных областях, считается, что междисциплинарный подход играет важную роль в обеспечении успеха. Выделяются три ключевые области, на которые стоит обратить внимание.

Во-первых, *этическое управление*: рассмотрение основных этических аспектов, связанных с использованием искусственного интеллекта, таких как прозрачность, конфиденциальность и недискриминационность.

Во-вторых, *объяснимость:* эта концепция рассматриваются как потенциальный метод повышения алгоритмической справедливости, прозрачности и ответственности.

В-третьих, *этический аудит:* для очень сложных алгоритмических систем необходимо иметь механизмы проверки, поэтому предлагаются методы аудита в качестве возможного решения.

При реализации Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» возникают этические сложности, связанные с отсутствием раскрытие содержания понятия «тайна сообщений» [2]. При анализе судебной практики можно выделить два подхода: во-первых, оценка количественных показателей (количество, продолжительность диалога между сторонами); во-вторых, оценка содержаний сообщений между обвиняемым лицом и другими лицами.

Разрешение данного вопроса позволит определить пределы конституционной защиты права на неприкосновенность частной жизни при использовании цифровых технологий. Решение данной проблемы важно на современном этапе активного развития информационных технологий и ее значение будет только возрастать в период становления цифровых технологий, использующих новые методы кодирования или декодирования информации.

Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р утверждена «Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» [5]. В данной концепции уделяется внимание важности ориентации на человека и управление этическими рисками взаимодействия человека и робототехники при внедрении экспериментальных правовых режимов [4].

Еще одной ключевой этической проблемой, когда речь идет об использовании технологий искусственного интеллекта в правовой сфере, является то, что данные системы могут принимать решения без должной прозрачности в их алгоритмах, что затрудняет понимание причин принятых решений для общества.

Цифровая трансформация обеспечивает повышение эффективности и более быстрое выполнение рутинных задач в правовой сфере, но в то же время может привести к потере человеческого аспекта и индивидуального подхода к каждому случаю, усилению дискриминации, проблемам ответственности за ненадлежащее использование систем искусственного интеллекта. Регулирование данных проблем должно быть отражено в законодательстве нашей страны, но, к сожалению, изменения не происходят так быстро, как этого требует появление все новых цифровых технологий и укрепление их использования в общественной жизни.

Все эти вопросы подчеркивают важность интеграции этики и социальной ответственности в разработку и использование цифровых технологий в правовой сфере. Учитывая конечные цели правосудия и защиты прав человека, необходимо регулярно совершенствовать подходы к использованию цифровых технологий в правовой сфере и учитывать все возможные этические элементы.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27.07.2006 №149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // www.consultant.ru

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // www.consultant.ru

4. Федеральный закон от 31.07.2020 №258 – ФЗ (ред. От 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации // www.consultant.ru

5. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 №2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // www.consultant.ru

6. *Волкова А.В.* Этические аспекты внедрения цифровых технологий и конфликты «умного регулирования»: опыт Германии и Эстонии // Конфликтология 15 (3), 2020: Политическая конфликтология: А.В. Волкова: 12–27 (дата обращения: 01.10.2023).

7. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Формы самореализации личности в информационно-цифровой среде: статья //Теория государства и права. – 2022. – № 1 (26). – С. 31–46.

8. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.

9. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–26.

10. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.

12. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

13. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.

14. *Гаврилова Ю.А., Гаврилов Д.А., Калашникова Н.А.* Правовые проблемы развития цифровых технологий в Российской Федерации // Legal Concept. 2022.

№ 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-razvitiya-tsifrovyh-tehnologiy-v-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 01.10.2023).

15. *Кононенко, Д. В.* «Большие вызовы» как фактор трансформации государственно-правовых отношений / Д. В. Кононенко // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20. – No 3. – С. 58–65. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10 (дата обращения: 01.10.2023).

16. *Лопатин, В. Н.* Цифровые права и цифровые технологии в цифровой экономике / В. Н. Лопатин // Информационное право. – 2021. – No 4. – С. 14–17. (дата обращения: 01.10.2023)

17. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.

18. *Шляпников В.В.* Некоторые проблемы этики искусственного интеллекта // Идеи и идеалы. 2023. № 2-2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryeproblemy-etiki-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения: 01.10.2023).

19. Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий // https:// ethics.cdto.center/1_1

Для цитирования: Гурышева К.В. Этические проблемы, возникающие при разработке и использовании цифровых технологий в государственно-правовой сфере: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 26–30.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.26

ETHICAL PROBLEMS ARISING IN THE DEVELOPMENT AND USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE STATE-LEGAL SPHERE

Kristina V. Gurysheva *

Annotation. It is currently relevant to consider the established and potential ethical challenges arising from the development and use of digital technologies in the legal sphere. Within the framework of rapidly developing artificial intelligence systems, the development and use of automated information systems, automation and digitalization of decision-making processes, there is a need for a deep understanding of the ethical challenges faced by legal systems and the changes required by the legislation of our country.

The main ethical challenges are related to the transparency of algorithms of artificial intelligence systems and automated information systems, confidentiality of the information used, issues of liability for improper use, negative consequences that citizens may face, as well as the impact of these technologies on justice and fairness before the law. The paper analyzes normative and legal acts regulating the dissemination of information, data privacy and the use of artificial intelligence systems.

The study is a systematization and analysis of the complex aspects of the interaction between digital technologies and the legal sphere, taking into account ethical and social implications.

Keywords: ethical issues; digital technologies; artificial intelligence; actors' responsibility; legal sphere; discrimination; legislation in the field of information dissemination; data privacy.

* **Gurysheva Kristina Valerievna,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University. M.V. Lomonosov. E-mail: cristina-gyrusheva@yandex.ru

In modern conditions, a digital transformation is taking place, covering the state, business and society as a whole, the formation of an information (cybernetic) civilization is evident, digital technologies are developing, information and legal policy is changing, a digital (electronic) state has become a reality and digital rights, which are increasingly written about in the legal literature [8, 10, 11, 12, 13]. Digital transformation affects the sphere of public administration through the development and use of automated information systems, artificial intelligence, development of data openness, etc. At the same time, it is important to pay special attention to understanding the ethical issues arising during digitalization, as well as the formation of norms and rules of ethics in the field of digital technologies [6, 18, 19].

Regulation of the dissemination of information in the Russian Federation includes a wide range of aspects that are aimed at ensuring security, confidentiality and protection of the interests of a person, individual, citizen – on the one hand, and Russian society – on the other [7, 9, 17]. Adopted laws and regulations provide the basis for regulating information processes in the country.

The digital transformation of the economic, political, social, spiritual spheres of life in modern Russian society, including the legal sphere, requires access to confidential information; in accordance with this, it is necessary to ensure data protection and prevent their misuse [15, 16].

The dissemination of information in our legislation is regulated by Federal Law No. 149-FZ of July 27, 2006 “On information, information technologies and information protection,” which is aimed at achieving a balance between protecting the privacy of citizens and the national security of the Russian Federation. This federal law covers a number of ethical issues that citizens may face when using modern digital technologies, namely surveillance through electronic devices, collection of personal information and its misuse. The law ensures the ethical use of surveillance technologies, protects citizens' personal information, and prevents abuse of power when accessing information [1].

Currently, the active development and implementation of artificial intelligence systems is underway in accordance with the decree of the President of the Russian Federation “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation No. 490 dated October 10, 2019, in accordance with the approved National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the period until 2030 [3]. “The ethics of the relationship between man and artificial intelligence should not differ fundamentally from humanistic ethics aimed at preserving human life and natural nature. It is the latter that determines the substantive meaning of the new digital legal regulation” [14].

Within the framework of the use of artificial intelligence systems, ethical problems arise in determining responsibility for the improper use of artificial intelligence systems, unlawful decision-making, and the provision of discriminatory information when generating new information. Who will be responsible in this case: developers, operators, users? The operator of the information system must take all necessary measures depending on him to guarantee the confidentiality of information and prevent illegal actions, such as changing, destroying, blocking, disseminating information [1]. It is ethically important to differentiate and determine responsibility for the algorithmic actions of artificial intelligence.

Given the potential risks that may arise from the development and active use of artificial intelligence systems in various fields, it is believed that an interdisciplinary approach plays an important role in ensuring success. There are three key areas worth paying attention to.

First, ethical governance: addressing key ethical issues associated with the use of artificial intelligence, such as transparency, privacy and non-discrimination.

Second, explainability: this concept is seen as a potential method for increasing algorithmic fairness, transparency, and accountability.

Third, ethical audit: for very complex algorithmic systems it is necessary to have verification mechanisms, so auditing methods are proposed as a possible solution.

When implementing the Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on February 6, 2023) "On Personal Data," ethical difficulties arise due to the lack of disclosure of the content of the concept of "secrecy of communications" [2]. When analyzing judicial practice, two approaches can be distinguished: firstly, assessment of quantitative indicators (number, duration of dialogue between the parties); secondly, assessing the content of communications between the accused person and other persons.

Resolving this issue will make it possible to determine the limits of constitutional protection of the right to privacy when using digital technologies. The solution to this problem is important at the present stage of the active development of information technology and its importance will only increase during the formation of digital technologies that use new methods of encoding or decoding information.

The Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No. 2129-r approved the "Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024" [5]. This concept pays attention to the importance of human orientation and managing the ethical risks of human-robotic interaction when introducing experimental legal regimes [4].

Another key ethical issue when it comes to the use of artificial intelligence technologies in the legal field is that these systems may make decisions without adequate transparency in their algorithms, which makes it difficult for society to understand the reasons for the decisions made.

Digital transformation provides increased efficiency and faster completion of routine tasks in the legal field, but at the same time can lead to the loss of the human aspect and individual approach to each case, increased discrimination, and problems of liability for the improper use of artificial intelligence systems. The regulation of these problems should be reflected in the legislation of our country, but, unfortunately, changes do not occur as quickly as required by the emergence of ever new digital technologies and the strengthening of their use in public life.

All of these issues highlight the importance of integrating ethics and social responsibility into the development and use of digital technologies in the legal field. Given the ultimate goals of justice and the protection of human rights, it is necessary to regularly improve approaches to the use of digital technologies in the legal field and take into account all possible ethical elements.

Bibliography

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on December 12, 2023) “On information, information technologies and information protection” // www.consultant.ru

2. Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ (as amended on February 6, 2023) “On Personal Data” // www.consultant.ru

3. Decree of the President of the Russian Federation dated October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” // www.consultant.ru

4. Federal Law of July 31, 2020 No. 258 – Federal Law (as amended on July 2, 2021) “On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation // www.consultant.ru

5. Order of the Government of the Russian Federation dated August 19, 2020 No. 2129-r “On approval of the Concept for the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies until 2024” // www. consultant.ru

6. Volkova A.V. Ethical aspects of the introduction of digital technologies and conflicts of “smart regulation”: the experience of Germany and Estonia // Conflictology 15 (3), 2020: Political conflictology: A.V. Volkova: 12–27 (date of circulation: 10/01/2023).

7. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Forms of personal self-realization in the information and digital environment: article //Theory of State and Law. 2022. No. 1 (26). pp. 31–46.

8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). pp. 38–46.

9. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in the context of information dependence: theoretical and legal aspects: article // Legal Thought. 2020. No. 2 (118). pp. 9–26.

10. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal status of cyber-physical systems: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 22–35.

11. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in information civilization: theoretical and legal understanding: article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. P. 20–36.

12. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37.

13. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27.

14. Gavrilova Yu.A., Gavrilov D.A., Kalashnikova N.A. Legal problems of the development of digital technologies in the Russian Federation // Legal Concept. 2022. No. 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-razvitiya-tsifrovyh-tehnologiy-v-rossiyskoy-federatsii (access date: 10/01/2023).

15. Kononenko, D. V. “Great challenges” as a factor in the transformation of state-legal relations / D. V. Kononenko // Legal paradigm. 2021. T. 20. No. 3. pp. 58–65. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.3.10 (access date: 10/01/2023).

16. Lopatin, V. N. Digital rights and digital technologies in the digital economy / V. N. Lopatin // Information law. – 2021. – No. 4. – P. 14–17. (access date: 10/01/2023)

17. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p.

18. Shlyapnikov V.V. Some problems of ethics of artificial intelligence // Ideas and ideals. 2023. No. 2-2 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-etiki-iskusstvennogo-intellekta (access date: 10/01/2023).

19. Ethics and “digital”: ethical problems of digital technologies // https:// ethics.cdto.center/1_1

For citation: Gurysheva K.V. Ethical problems arising in the development and use of digital technologies in the state legal sphere: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 30–34.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.26

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.35

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРИОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1917–1991 ГГ.)

К.Б. Ерофеев*

Аннотация. Статья посвящена проблематики церковно-государственных отношений в период, последовавший после Великой Октябрьской Социалистической революции и закончившийся распадом СССР. Данный период был отмечен противостоянием (прежде всего, в идеологической сфере) основных религиозных общин и атеистического государства. Однако противостояние было в разные периоды времени разной интенсивности: от репрессивной политики 20–30-х гг. XX столетия и «хрущевских гонений на церковь» (середина 50-х – середина 60-х гг.) до периода сотрудничества религиозных общин и Советской власти (во время Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы) и во время Перестройки (с середины 80-х гг. до 1991 г).

Ключевые слова: церковь, церковно-государственные отношения, государство, период, периодизация, советское государство,

Установление периодизации взаимоотношений церкви и государства в советский период имеет весьма важное значение. При этом «на создание периодизации истории тем или иным автором оказывает воздействие множество факторов, приводящих к тому, что трудно, или даже невозможно сформулировать периодизацию, удовлетворяющую всех» [15].

В период существования СССР проблематике периодизации церковно-государственных отношений не уделялось существенного внимания. Модель церковно-государственных отношений подчинялась установленной в ленинский период формулой «отделения церкви от государства и школы от церкви» и оставалась неизменной до конца 80-х гг. Тем более, что другая идеологическая установка признавала постепенное отмирание религии при строительстве социалистического общества.

Еще в 1909 г. В.И. Ленин указывал, что «философской основой марксизма, как неоднократно заявляли и Маркс и Энгельс, является диалектический материализм, вполне воспринявший исторические традиции материализма XVIII века во Франции и Фейербаха (1-ая половина XIX века) в Германии, – материализма безусловно атеистического, решительно враждебно-

* **Ерофеев Константин Борисович** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: antanta1999@mail.ru.

го всякой религии» [7]. При этом тезис об отделении церкви от государства и школы от церкви носил характер конституционно-правовой нормы и регламентировался ст. 4 Конституции (Основного закона) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) [1].

Современные исследователи определяют от двух до десяти обособленных периодов взаимоотношений Советского государства и Русской Православной Церкви (и шире – с религиозными организациями СССР).

Первый – т.н. «ленинский период» (1917–1929 гг.) определялся выстраиванием системы взаимоотношений Советского государства с религиозными организациями. Он может быть разделен на два периода – конфронтация с РПЦ, в целом совпавшая с периодом Гражданской войны (1917–1922 гг.) и, после «покаяния» патриарха Тихона (1923 г.) и, в большей степени, Декларации митрополита Сергия (Страгородского) (1927 г.).

Второй период характеризовался (по мнению, в частности, Н.А. Киреевой [6]) относительной стабилизацией церковно-государственных отношений. Начиная с 1923 г. уменьшилось количество показательных судебных процессов против духовенства и актива верующих, началось строительство юридической базы осуществления религиозной деятельности, в партийной печати осуждались «перегибы» в борьбе с религией.

Нам представляется возможным выделить и еще один, третий, период с октября 1917 г. до лета 1918 г. Этот сравнительно недолговременный переходный период был связан с приходом большевиков к власти и становлением нового законодательства о религиозных общинах в РСФСР. Он сопровождался относительно свободным положением религиозных общин, что выражалось, в частности, в проведении Поместного Собора 1917–1918 гг. и избранием патриархом Московским и всея России Тихона (Белавина) в ноябре 1917 г. Данный период закончился летом 1918 г., что было связано с резким обострением гражданского междоусобия, сопровождавшегося как белым, так и красным террором, резкой критикой новоизбранным патриархом Советской власти.

Следующий период – начиная с 1929 г. и до начала Великой Отечественной войны – репрессивная политика атеистической власти, фактически направленная на «искоренение» религии (или, во всяком случае, тотальной дезорганизации религиозной жизни в стране). Этот период совпал в целом с окончанием борьбы И.В. Сталина и стоявшего за ним аппарата компартии в борьбе за власть и нашел свое отражение в принятом 8 апреля 1929 г. Президиумом Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета Постановлении «О религиозных объединениях» [2], по которому права религиозных обществ значительно сократились. При этом, ряд исследователей (М.И. Одинцов [10, с. 76], М.В. Шкаровский [18] и др.) рассматривают в качестве окончания данного периода 1939 г., когда на присоединенных к СССР западнобелорусских и западноукраинских территориях не были применены репрессии как к в отношении православных, так и к грекокатолических религиозных общин.

Ряд церковных историков (Л.Л. Регельсон [14], протопресвитер Иоанн (Мейендорф) [8, с. 613–614]) не считают однозначными изменения к луч-

шему церковно-государственных отношений в середине 40-х гг., распространяя тезис о преследовании церкви атеистическим государством на весь период правления И.В. Сталина.

С началом Великой Отечественной война наметился новый курс церковно-государственной политики, принявший более определенную форму в 1943–44 гг. и выразившийся в потеплении отношений Советского государства и основным религиозных конфессий (православных, католиков, евангельских христиан-баптистов, мусульман и др.), данный период продолжался до середины 50-х гг. 12 сентября 1943 г. был избран Патриархом Московским и всея Руси Сергий (Страгородский), в годы войны в ведение РПЦ было передано значительное движимое и недвижимое имущество (включая Троице-Сергиеву лавру). Была частично разрешена образовательная, культурно-просветительская, благотворительная, международная деятельность религиозных общин.

При этом М.И. Одинцов [11], М.В. Шкаровский [17], И.В. Кабанов [5] отмечают 1948 г. как переломный, после которого наметилось охлаждение во взаимоотношения сталинского руководства и религиозных организаций. Причинами могли служить отсутствие необходимости в консолидирующей роли церкви по борьбе с внешним противником и провал созыва Всеправославного собора в Москве. Васильева О.Ю. отмечает период 1945–48 гг., во время которого «… советское государство, а не Русская церковь, стремительно осуществило воссоединение греко-католиков Западной Украины и Закарпатской области с Московской Патриархией. Подобные мероприятия были проведены и в странах Восточной Европы» [3, с. 14].

Длившийся около 10 лет период т.н. «хрущевских гонений на церковь» выражался в административном и идеологическом давлении на религиозную жизнь в стране, как на традиционные религиозные организации, так (в большей мере) на подпольные несистемные религиозные общины (катакомбники, иеговисты, пятидесятники и др.). Резко возросло число закрытых монастырей и церквей, усилилась работы по пропаганде атеизма. В частности, резко возросли тиражи атеистической литературы.

Значительным мастерами кинематографии была снята серия пропагандистских атеистических кинофильмов, дисредитировавших религию и верующих («Иванна», «Чудотворная», «Тучи над Борском» и мн. др.). Среди факторов антицерковной политики Шкаровский М.В. также выделяет подрыв материально-финансовой базы религиозных общин; ликвидацию духовных учебных заведений; изменение положения об управлении Церковью, жесткий контроль над кадровой политикой Патриархии; давление на различные категории верующих, вплоть до полного запрещения некоторым из них (подростки, военнослужащие и т. д.) посещать храмы [17, с. 10].

При этом период «хрущевских гонений» исследователи разделяют на несколько периодов. В частности, М.В. Шкаровский [17, с. 10–12] определяет период 1953–59 гг. как переходный, связанный с борьбой политических группировок за власть в стране, когда вопрос о борьбе с религией оставался периферийным.

М.И. Одинцов также определяет период 1954–57 гг. как стабильный в церковно-государственных отношениях, отмечая, однако, перемещение

вопроса о статусе религиозных организаций из административно-правовой в партийно-идеологическую сферу: «Период с 1954 по 1957 гг. характеризуется стремлением Г.Г. Карпова и И.В. Полянского сохранить тот курс церковной политики, что выработан был в середине 40-х годов, в условиях, когда государство все более откровенно занимает позицию безучастности в вопросах государственно-церковных отношений, уступая инициативу партийному руководству. В самой же партии в ее руководящих структурах, шло соперничество между теми, кто выступал за ужесточение церковного курса, и теми, кто считал необходимым добиваться его демократизации» [12].

Большинство исследователей определяют 1958 г. как начало активного периода гонений, при этом мы склонны рассматривать и период 1958–60 гг. как период борьбы репрессивной и либеральной точки зрения в органах власти по «церковному вопросу».

Общепринятой (в частности, изложенная Митрополитом Смоленским и Дорогобужским Исидором (Тупикиным Р.В.) [9], прот. В. Цыпиным [19, с. 164–165]) является точка зрения, что гонения на церковь были радикально уменьшены только с приходом к власти Л.И. Брежнева (1964 г.). Несмотря на продолжавшуюся государственную политику научного атеизма, борьба с религией приняла в значительной мере идеологические и пропагандистские формы. РПЦ и крупнейшие конфессии были привлечены к государственным программам борьбы за мир, улучшения имиджа СССР за рубежом, священнослужители избирались в представительные органы власти, награждались, была продолжена практика укрепления материально-технической базы церкви (в частности, в 1982–83 гг. был положительно решен вопрос о передаче РПЦ Данилова монастыря, ставшего духовно-административным центром церкви).

Начавшийся во второй половины 60-х гг. период стабилизации церковно-государственных отношений и их потепления продолжался до развала СССР (1991 г.), наиболее заметным это потепление отношений совпало с началом политики «перестройки» и празднованием 1000-летия Крещения Руси. При этом последний период (ориентировочно с 1987–88 гг. и до 1991 г.) можно выделить в качестве отдельного этапа церковно-государственных отношений в СССР. Ряд исследователей (Гераськин Ю.В., Михайловский А.Ю.) придерживаются точки зрения, что реальный период потепления церковно-государственных отношений осуществился лишь в конце 70-х гг.: «В 1980-е гг. происходит поворот к диалогу государства и Церкви, обновляется содержание государственно-церковных отношений, их политическое реформирование. Это было связано с системным кризисом социализма, сломом административно-командной системы, что сняло препоны в деятельности РПЦ и дало импульс дальнейшему развитию взаимоотношений между Церковью, обществом и властью» [4]. Федирко О.П. склонная рассматривать весь период с 1958 – конец 1980-х гг. как «возврат к административной, запретительной модели, развёртывание атеистической пропаганды» [16, с. 144].

Проф. М.И. Одинцов [13, с. 2] отмечает три модели религиозной политики государства в России в XX веке. Самодержавная модель носила проправославный характер, буржуазная модель Временного правительства

носила характер вероисповедного плюрализма (что, на мой взгляд дискуссионно, т.к. Временное правительство на разных этапах принимало как проправославные нормативные акты, так и в значительной мере антицерковные) и советская, носившая атеистический характер (что также носит характер известного обобщения). Однако нельзя в целом не согласиться с М.И. Одинцовым, что все модели были отторгнуты обществом в целом, как верующими, так и неверующими.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) // Собрание узаконений РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

2. Постановление Президиума Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства. РСФСР. 1929. № 35. Ст. 353.

3. Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг.: дис. … д-ра ист. наук. М., 1999. 294 с.

4. Гераськин Ю.В., Михайловский А.Ю. Проблема периодизации истории отношений советского государства и Русской православной Церкви// Вестник Томского государственного университета. № 3(11)/ 2010. С. 110–122.

5. Кабанов И.В. Противоречивость взаимоотношений государства и Русской православной церкви в первые послевоенные годы (по материалам Мордовской АССР)// Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. N. 3 (Часть 1). С. 161–164.

6. Киреева Н.А. Русская Православная Церковь и советское государство с октября 1917 по 1928 год. Автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Оренбург. 2009.

7. Ленин В. И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 415–426.

8. *Мейендорф И., прот.* Послесловие // Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви, 1917–1945. – Paris: YMCA-press, Cop. 1977. – 625 с.

9. *Митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор (Тупикин Р.В.).* Реализация вероисповедной политики советской власти в период хрущёвской антирелигиозной кампании (1954 – 1964 гг.): многофакторный анализ// Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. №4. С. 6–26.

10. *Одинцов М.И.* Патриарх Сергий. – М.: Молодая гвардия, 2013. 395 с.

11. *Одинцов М.И.* Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 424 с.

12. *Одинцов М.И.* Государственно-церковные отношения в России (на материалах отечественной истории XX века). Размещено на сайте Российского общества исследователей религии // https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-80/

13. *Одинцов М.И.* Хождение по мукам. 1954–1960 годы // Наука и религия. – 1991. – № 7. – С. 2–3.

14. *Регельсон Л.Л.* Трагедия Русской церкви. 1917–1953 гг. – М.: «Центрполиграф», 2017. – 413 с.

15. *Субботина Н. Д.* Проблема периодизации истории: единичное, особенное и общее // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 4. С. 6–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-6-16.

16. *Федирко О.П.* Проблема государственно-конфессиональных отношений в истории России: краткий обзор историографии 1990-х гг.// Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. Т. 22. Отечественная история. 2019. № 1. С. 135–146.

17. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) // М.В. Шкаровский. М.: Изд-во Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. 402 с.

18. *Шкаровский М.В.* Святейший патриарх Сергий в годы Великой Отечественной войны. Опубликовано на сайте Санкт-Петербургской духовной академии 13.09.2013 // https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-svyateyshiy-patriarh-sergiy-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/

19. *Цыпин В. А.* История Русской православной церкви, 1917–1990: Учеб. для православ. духов. семинарий / Протоиерей Владислав Цыпин. – М.: Изд. дом "Хроника", 1994. – 251 с.

Для цитирования: *Ерофеев К.Б.* Периодизация церковно-государственных отношений в период советской власти (1917–1991 гг.): статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 35–40.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.35

PERIODIZATION OF CHURCH-STATE RELATIONS DURING THE PERIOD OF SOVIET POWER (1917–1991)

Konstantin B. Erofeev*

Annotation. The article is devoted to the problems of church-state relations in the period that followed the Great October Socialist Revolution and ended with the collapse of the USSR. This period was marked by confrontation (primarily in the ideological sphere) between the main religious communities and the atheistic state. However, the confrontation was in different periods of time of varying intensity: from the repressive policies of the 20–30s. XX century and the "Khrushchev persecution of the church" (mid-50s – mid-60s) to the period of cooperation between religious communities and Soviet power (during the Great Patriotic War and the first post-war years) and during Perestroika (from the mid-80s to 1991).

Key words: church, church-state relations, state, period, periodization, Soviet state, perestroika.

Establishing a periodization of the relationship between church and state during the Soviet period is very important. At the same time, "the creation of a periodization of history by one or another author is influenced by many factors, leading to the fact that it is difficult, or even impossible, to formulate a periodization that satisfies everyone" [15].

During the existence of the USSR, the issue of periodization of church-state relations was not given significant attention. The model of church-state

* **Erofeev Konstantin Borisovich –** senior lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg). E-mail: antanta1999@mail.ru.

relations was subject to the formula established in the Leninist period of "separation of church from state and school from church" and remained unchanged until the end of the 80s. Moreover, another ideological position recognized the gradual withering away of religion during the construction of a socialist society.

Back in 1909 V.I. Lenin pointed out that "the philosophical basis of Marxism, as Marx and Engels repeatedly stated, is dialectical materialism, which fully adopted the historical traditions of materialism of the 18th century in France and Feuerbach (1st half of the 19th century) in Germany , – materialism that is unconditionally atheistic, decisively hostile to any religion" [7]. At the same time, the thesis about the separation of church from state and school from church had the nature of a constitutional legal norm and was regulated by Art. 4 of the Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (approved by the resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of May 11, 1925) [1].

Modern researchers identify from two to ten separate periods of relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (and more broadly, with religious organizations of the USSR).

The first one is the so-called the "Leninist period" (1917–1929) was determined by building a system of relations between the Soviet state and religious organizations. It can be divided into two periods – the confrontation with the Russian Orthodox Church, which generally coincided with the period of the Civil War (1917–1922) and, after the "repentance" of Patriarch Tikhon (1923) and, to a greater extent, the Declaration of Metropolitan Sergius (Stragorodsky) (1927).

The second period was characterized (according to, in particular, N.A. Kireeva [6]) by the relative stabilization of church-state relations. Beginning in 1923, the number of show trials against the clergy and activist believers decreased, the construction of a legal basis for religious activities began, and the party press condemned "excesses" in the fight against religion.

It seems to us possible to identify another, third, period from October 1917 to the summer of 1918. This relatively short-lived transition period was associated with the Bolsheviks coming to power and the formation of new legislation on religious communities in the RSFSR. It was accompanied by a relatively free position of religious communities, which was expressed, in particular, in the holding of the Local Council of 1917–1918. and the election of Tikhon (Belavin) as Patriarch of Moscow and All Russia in November-November 1917. This period ended in the summer of 1918, which was associated with a sharp aggravation of civil strife, accompanied by both white and red terror, sharp criticism by the newly elected patriarch Soviet power.

The next period – from 1929 until the start of the Great Patriotic War – was the repressive policy of the atheistic government, actually aimed at "eradicating" religion (or, in any case, the total disorganization of religious life in the country). This period coincided generally with the end of I.V.'s struggle. Stalin and the apparatus of the Communist Party behind him in the struggle for power and was reflected in the Resolution "On Religious Associations" [2], adopted on April 8, 1929 by the Presidium of the All-Union Central Executive Committee, according to which the rights of religious societies were significantly re-

duced. At the same time, a number of researchers (M.I. Odintsov [10, p. 76], M.V. Shkarovsky [18], etc.) consider 1939 as the end of this period, when in the Western Belarusian and Western Ukrainian territories annexed to the USSR no repression was applied to either the Orthodox or Greek Catholic religious communities.

A number of church historians (L.L. Regelson [14], Protopresbyter John (Meyendorff) [8, pp. 613–614]) do not consider the changes for the better in church-state relations in the mid-40s to be unambiguous, spreading This is the thesis about the persecution of the church by the atheistic state for the entire period of I.V.'s reign. Stalin.

With the beginning of the Great Patriotic War, a new course of church-state policy emerged, which took a more definite form in 1943–44. and expressed in the warming of relations between the Soviet state and the main religious denominations (Orthodox, Catholics, Evangelical Christian Baptists, Muslims, etc.), this period lasted until the mid-50s. On September 12, 1943, Sergius (Stragorodsky) was elected Patriarch of Moscow and All Rus'; during the war years, significant movable and immovable property (including the Trinity-Sergius Lavra) was transferred to the jurisdiction of the Russian Orthodox Church. Educational, cultural, educational, charitable, and international activities of religious communities were partially permitted.

At the same time, M.I. Odintsov [11], M.V. Shkarovsky [17], I.V. Kabanov [5] note 1948 as a turning point, after which there was a cooling in the relationship between the Stalinist leadership and religious organizations. The reasons could be the lack of need for a consolidating role of the church in the fight against an external enemy and the failure to convene the Pan-Orthodox Council in Moscow. Vasilyeva O.Yu. notes the period 1945–48, during which "... the Soviet state, and not the Russian Church, quickly carried out the reunification of the Greek Catholics of Western Ukraine and the Transcarpathian region with the Moscow Patriarchate. Similar events were held in Eastern European countries" [3, p. 14].

The so-called period lasted about 10 years. "Khrushchev's persecution of the church" was expressed in administrative and ideological pressure on religious life in the country, both on traditional religious organizations and (to a greater extent) on underground non-systemic religious communities (Catacombs, Jehovah's Witnesses, Pentecostals, etc.). The number of closed monasteries and churches increased sharply, and efforts to promote atheism intensified. In particular, the circulation of atheistic literature has increased sharply.

Significant masters of cinematography made a series of propaganda atheistic films that discredited religion and believers ("Ivanna", "The Miracle Worker", "Clouds over Borsk" and many others). Among the factors of anti-church policy Shkarovsky M.V. also highlights the erosion of the material and financial base of religious communities; liquidation of religious educational institutions; changes in the regulations on the management of the Church, strict control over the personnel policy of the Patriarchate; pressure on various categories of believers, up to a complete ban on some of them (teenagers, military personnel, etc.) from visiting churches [17, p. 10].

At the same time, researchers divide the period of "Khrushchev's persecutions" into several periods. In particular, M.V. Shkarovsky [17, p. 10–12] de-

fines the period 1953–59 as a transitional one, associated with the struggle of political groups for power in the country, when the issue of the fight against religion remained peripheral.

M.I. Odintsov also defines the period 1954–57. as stable in church-state relations, noting, however, the movement of the issue of the status of religious organizations from the administrative-legal to the party-ideological sphere: "The period from 1954 to 1957. characterized by the desire of G.G. Karpov and I.V. Polyansky to maintain the course of church policy that was developed in the mid-40s, in conditions when the state is increasingly openly taking a position of indifference in matters of state-church relations, ceding the initiative to the party leadership. Within the party itself, in its leadership structures, there was rivalry between those who advocated tightening the church course, and those who considered it necessary to achieve its democratization" [12].

Most researchers define 1958 as the beginning of an active period of persecution, while we tend to consider the period 1958–60 as well. as a period of struggle between repressive and liberal points of view in the authorities on the "church issue".

The generally accepted view (in particular, set forth by Metropolitan Isidore of Smolensk and Dorogobuzh (Tupikin R.V.) [9], Archpriest V. Tsypin [19, pp. 164–165]) is the point of view that persecution of the church was radically reduced only with the rise to power of L.I. Brezhnev (1964). Despite the ongoing state policy of scientific atheism, the fight against religion took largely ideological and propaganda forms. The Russian Orthodox Church and the largest confessions were involved in state programs of the struggle for peace, improving the image of the USSR abroad, clergy were elected to representative bodies of power, were awarded, the practice of strengthening the material and technical base of the church was continued (in particular, in 1982–83 there was The issue of transferring the Danilov Monastery to the Russian Orthodox Church, which became the spiritual and administrative center of the church, has been positively resolved.

Began in the second half of the 60s. The period of stabilization of church-state relations and their warming continued until the collapse of the USSR (1991), the most noticeable warming of relations coincided with the beginning of the policy of "perestroika" and the celebration of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus'. Moreover, the last period (approximately from 1987–88 to 1991) can be identified as a separate stage of church-state relations in the USSR. A number of researchers (Geraskin Yu.V., Mikhailovsky A.Yu.) are of the opinion that the real period of warming of church-state relations took place only in the late 70s: "In the 1980s. There is a turn to dialogue between the state and the Church, the content of state-church relations and their political reform are being updated. This was due to the systemic crisis of socialism, the breakdown of the administrative-command system, which removed obstacles in the activities of the Russian Orthodox Church and gave impetus to the further development of relations between the Church, society and the authorities" [4]. Fedirko O.P. inclined to consider the entire period from 1958 to the end of the 1980s. as "a return to the administrative, prohibitive model, the deployment of atheistic propaganda" [16, p. 144].

Prof. M.I. Odintsov [13, p. 2] notes three models of state religious policy in Russia in the twentieth century. The autocratic model was pro-Orthodox in nature, the bourgeois model of the Provisional Government but had the character of religious pluralism (which, in my opinion, is debatable, since the Provisional Government at different stages adopted both pro-Orthodox regulations and, to a large extent, anti-church) and Soviet, which was atheistic in nature (which also has the character of a well-known generalization). However, one cannot generally disagree with M.I. Odintsov, that all models were rejected by society as a whole, both believers and non-believers.

Bibliography

1. Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (approved by the resolution of the XII All-Russian Congress of Soviets of May 11, 1925) // Collection of laws of the RSFSR. 1925. No. 30. Art. 218.

2. Resolution of the Presidium of the All-Union Central Executive Committee of April 8, 1929 “On religious associations” // Collection of laws and orders of the workers’ and peasants’ government. RSFSR. 1929. No. 35. Art. 353.

3. Vasilyeva O.Yu. Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948: dis. ... Dr. Ist. Sci. Moscow, 1999. 294 p.

4. Geraskin Yu.V., Mikhailovsky A.Yu. The problem of periodization of the history of relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 3 (11). pp. 110–122.

5. Kabanov I.V. The contradictory relationship between the state and the Russian Orthodox Church in the first post-war years (based on materials from the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic) // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2015. No. 3 (Part 1). pp. 161–164.

6. Kireeva N.A. The Russian Orthodox Church and the Soviet state from October 1917 to 1928. Author's abstract. diss. ...cand. legal Sci. Orenburg. 2009.

7. Lenin V.I. On the attitude of the workers’ party to religion // Complete. collection op. T. 17. pp. 415–426.

8. Meyendorff I., prot. Afterword // Regelson L. Tragedy of the Russian Church, 1917–1945. Paris: YMCA-press, Cop. 1977. 625 p.

9. Metropolitan of Smolensk and Dorogobuzh Isidor (Tupikin R.V.). Implementation of the religious policy of the Soviet government during the period of Khrushchev’s anti-religious campaign (1954–1964): multifactor analysis // Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary. 2022. No. 4. P. 6–26.

10. Odintsov M.I. Patriarch Sergius. Moscow: Young Guard, 2013. 395 p.

11. Odintsov M.I. Russian Orthodox Church on the eve and during the era of Stalinist socialism, 1917–1953. Moscow: ROSSPEN, 2014. 424 p.

12. Odintsov M.I. State-church relations in Russia (on materials of Russian history of the twentieth century). Posted on the website of the Russian Society for Researchers of Religion // https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-80/

13. Odintsov M.I. The Road to Calvary. 1954–1960 // Science and religion. 1991. No. 7. P. 2–3.

14. Regelson L.L. The tragedy of the Russian Church. 1917–1953 Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 413 p.

15. Subbotina N. D. The problem of periodization of history: individual, special and general // Humanitarian vector. 2018. T. 13, no. 4. pp. 6–16. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-4-6-16.

16. Fedirko O.P. The problem of state-confessional relations in the history of Russia: a brief overview of the historiography of the 1990s // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. T. 22. Domestic history. 2019. No. 1. P. 135–146.

17. Shkarovsky M.V. Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church relations in the USSR in 1939–1964) // M.V. Shkarovsky. Moscow: Publishing House of the Krutitsky Metochion, Society of Church History Lovers, 2005. 402 p.

18. Shkarovsky M.V. His Holiness Patriarch Sergius during the Great Patriotic War. Published on the website of the St. Petersburg Theological Academy on September 13, 2013 // https://spbda.ru/publications/m-v-shkarovskiy-svyateyshiy-patriarh-sergiy-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/

19. Tsypin V. A. History of the Russian Orthodox Church, 1917–1990: Textbook. for Orthodox spirits seminaries / Archpriest Vladislav Tsypin. Moscow: Publishing house. house "Chronicle", 1994. 251 p.

For citation: Erofeev K.B. Periodization of church-state relations during the period of Soviet power (1917–1991): article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 40–45.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.35

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0; 341.0
ББК 67.0
DOI: 10.25839/MATGIP.2024.132.4.46

УВИДИМ ЛИ СВЯТЫНИ ПРАВОСЛАВНЫЕ?

Г.А. Заботкин*
В.И. Юдин**
Я.А. Явид***

Аннотация. В статье дается анализ мнений ученых-искусствоведов, музейных работников относительно возвращении Русской православной церкви иконы «Троицы», написанной в XV веке преподобным Андреем Рублёвым. Авторы исходят из того юридического факта, что музейные предметы и музейные коллекции из фондов музеев страны признаются едиными и неделимыми.

Ключевые слова: музей, икона, закон, музейные фонды, православие.

Летом минувшего года мы стали свидетелями события мало заметного для обывательского взгляда, но очень значимого для дальнейшей духовной жизни российского общества в целом. Оперативно в начале лета был разработан и уже 19 июля 2023 года принят в первом чтении Государственной Думой проект федерального закона № 362429-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» (в части законодательного закрепления принципа неделимости собрания музеев) [2]. Причём, сенаторам Российской Федерации и депутатам Государственной Думы предписывалось представить поправки

* **Заботкин Геннадий Алексеевич**, искусствовед, Действительный государственный советник Российской Федерации III класса, Заслуженный работник культуры Российской Федерации, эксперт Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации. E-mail: zga.2014@yandex.ru

** **Юдин Валерий Иванович,** доктор политических наук, профессор кафедры философии права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), помощник сенатора Российской Федерации, эксперт Фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений. E-mail: valeriyudin@yandex.ru

*** **Явид Ярослав Алексеевич** – аспирант кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург); руководитель ОП «Дирекция по развитию в СЗФО "ФАУ "РосКапСтрой"». E-mail: info@yavid.ru

Научный руководитель – **Комаров Сергей Александрович**, Президент МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права», научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897. E-mail: matgip2017@yandex.ru.

к законопроекту до 17 августа 2023 года, то есть в период нахождения их на летних каникулах.

28 ноября 2023 года законопроект принимается депутатами во втором, а 30 ноября – в третьем чтениях. 7 декабря сенаторы одобряют Федеральный закон, а 12 декабря он подписывается Президентом Российской Федерации и публикуется [1].

В Федеральном законе музейные предметы и музейные коллекции из фондов музеев страны признаются едиными и неделимыми, изменение формы собственности музейных предметов не допускается, а передача музейных предметов, в том числе и изначально религиозного назначения, возможна в отдельных случаях и не в собственность, а только во временное срочное пользование. В чём же подоплёка такой активности в законотворчестве?

Общеизвестно, что 15 мая 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин в ответ на многочисленные просьбы православных верующих принял решение о возвращении Русской православной церкви иконы «Троицы», написанной в XV веке преподобным Андреем Рублёвым. По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, образ был выставлен для общенародного поклонения в московском кафедральном соборном Храме Христа Спасителя, а в скором времени займёт своё историческое место в Троицком соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

Событие, безусловно, для православного народа России неординарное, почитай, четыре столетия с лишним икона служила «верой и правдой» православным верующим богоносного русского мира, выполняя изначально предназначенный ей выдающимся иконописцем Андреем Рублёвым сакральный смысл. Сколько же в этом символическом образе «для сердца русского слилось» духовной силы, многовековой исцеляющей благодати и любви! «Троица» олицетворяет собой величайший гуманизм русского православия! И лишь, начиная с 1929 года, судьбоносная для России православная икона «Троицы» находилась в своеобразном «музейном некрополе» Государственной Третьяковской галереи, отлучённая от своего предназначения-быть материальной связью между Богом и человеком.

Состоялся акт торжества исторической правды – Богу было возвращено, не кесарево, а Божие. Возвратилась «Троица» на «свой пост» – богослужения народу. По словам священника Русской православной церкви, богослова, философа, Павла Флоренского: «Есть Троица Рублёва, следовательно, есть Бог». Богодухоносные иконописцы Даниил Чёрный, Феофан Грек, Андрей Рублёв, их предшественники и последователи создавали свои образы исключительно для храмов и с надеждой, что чуткое к божественным вибрациям православное сердце духовным зрением ощутит через общение с ними посредством молитвы присутствие в нашем материальном мире Божьего начала. Тем более тогда, да и теперь, надо считать актом глубочайшего отпадения от церкви всякую попытку сопоставить на чаше весов значение иконописного образа, как художественного произведения, и, как духовной силы.

Бороться против сакральности иконы – это своего рода богоотступничество. Каким же надо обладать «окамененным сердцем», чтобы утверждать обратное! Ведь, ещё давным-давно, в 197–198 годах Квинт Септимий Флоренс (Флорент) Тертуллиан, выдающейся раннехристианский писатель, теолог, философ из Римского Карфагена сказал: «Душа по природе христианка» [8].

7 июля 2023 года, совершая Божественную литургию в Иоанно-Предтеченском ставропигиальном женском монастыре в г. Москве, по окончанию богослужения Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл в обращении к верующим по этому поводу сказал: «Мы теряем веру, может быть, ещё и потому, что не имеем ясных свидетельств о том, что вера действительно преобразует человеческую жизнь. Но не имеем таких свидетельств не потому, что их нет, а потому что мы недостойны их видеть по своему маловерию и, как я уже говорил, окамененному нечувствию» [7].

Поднялся из затвора весь разномастный актив англосаксонской либерально-глобалистской «королевской рати». 7 июня на платформе «Яндекса» в разделе «Главные новости» была размещена информация с заявлением высокопоставленного чиновника из администрации президента о том, что передачу необходимо упорядочить. Для этого создать комиссию из представителей Русской православной церкви и музейных работников и определить порядок передачи. Справедливости ради, надо сказать, что эта информация, дав старт началу протестной компании, пробыла на сайте платформы до обеда, а после полудня она растворилась на необъятных просторах медийного пространства [4].

14 июня на той же платформе «Яндекса», в том же разделе размещается информация «Общественной службы новостей», в которой автор Ирина Кипшидзе задаётся главным вопросом: «Вопрос главный заключается в том, что наши главные святыни, наши культурные ценности, сакральные ценности должны быть сохранены для следующих поколений». 27 июня там же, и в тех же «Главных новостях» читаем информацию уже от другого высокопоставленного чиновника из администрации президента в сфере международного культурного сотрудничества, поступившую в Россию с международных площадок, из Индии, из её столицы Нью-Дели. Из информации узнаём, что «Троица» – великий шедевр культуры.

Александр Быковский и Алексей Стрижов размещают на электронном медийном ресурсе статью «История с «Троицей»: почему объекты культуры передают религиозным организациям» [5]. Авторы статьи выясняют: «можно ли считать передачу музейных ценностей в использование конфессиям началом нового культурно-религиозного передела», а затем констатируют: «В 2023 году реставрационный совет Третьяковской галереи обнаружил на ней (иконе – *авторы*) 61 изменение, вызванное транспортировкой хрупкого объекта в Лавру. Её «нестабильное» состояние, усугубление которого может привести к утрате памятника. В Троице-Сергиевой лавре будет практически невозможно обеспечить подходящие условия хранения, а регулярный доступ реставраторов будет запрещён».

По мнению Ирины Шалиной, музейного эксперта, этого можно было бы избежать, заменив подлинные иконы современными копиями, а рублёвские иконы передать в музей для хранения и реставрации. «Но для подобных поступков», – полагает она, – «нужен профессиональный подход образованных людей. К сожалению, амбиции и элементарное желание владеть губят уникальные памятники мировой культуры» [5].

Искусствовед Софья Багдасарова: «После того как «Троица» перестанет жить в музее и поддерживаться силами музейных специалистов, она умрёт в физическом смысле этого слова» [9]. Елизавета Лихачёва, директор ГМИИ имени А.С. Пушкина: «Она может быть просто утрачена, она может развалиться на части: там три доски, и они не очень хорошо скреплены между собой. Для сохранения «Троицы» необходим полный покой, влажность на уровне 65–70% и температура +16-18 градусов по Цельсию» [4]. Ирина Шаповалова: «Музей бережно хранит и изучает древности, хранитель буквально сдувает с них пыль и думает о том, как продлить их жизнь. В церкви икона служит литургическим предметом, который вовлекается в богослужение: на него кадят, его обрызгивают водой, выносят на крестные ходы, целуют, передвигают, поновляют».

Своеобразный итог «срежиссированному» всплеску в медийном пространстве негодования профессионального музейного сообщества по поводу возврата иконы «Троица» Андрея Рублёва в богослужебное лоно Русской православной церкви подвели 22 июля 2023 года в московском Государственном институте искусствознания на круглом столе «Святая Троица» Андрея Рублёва: проблемы консервации и экспонирования» [10]. В нём очно и по видеосвязи участвовали профильные специалисты, искусствоведы, реставраторы представители центральных музеев.

Речь вели обо всём: об общемировых процессах, угрожающих традиционному музейному сообществу («ресакрализация, десекуляризация, в целом архаизация как тенденция в развитии общества»), о юридической недоброкачественности договора о передаче иконы «Троицы» Русской православной церкви, о неукоснительном соблюдении «церковной стороной» требований музея о «сохранности памятника», о создании на монастырские деньги «климатической капсулы для перевоза иконы в лавру», о том, как установить в маленьком драгоценном пространстве новёхонькую капсулу с «Троицей» так, чтобы она, освещённая по музейным нормам, не выглядела там диковато и инородно.

Музейный реставратор Дмитрий Суховерков опроверг популярный миф о том, что от подлинной «Троицы» ничего не осталось, всё-де сфабриковали реставраторы XX века. Степень сохранности авторской живописи, пусть «потёртой» – 80%, что для иконы с трудной судьбой немало. В «сухом остатке» договорились, что: «В Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры икона вряд ли может находиться. Это крохотное помещение без должной охраны и без музейного климата, с ежедневным валом паломников и горящими свечами; иконы тамошнего иконостаса и помимо «Троицы» разумнее всего было бы вынуть, заменить точными списками и музеефицировать – иначе с них так и придётся счищать копоть десятилетие за десятилетием, но это нельзя делать до бесконечности, они и без того, как выясняется – осыпаются» [10].

Всю эту мирскую сутолоку в публичном пространстве очень образно охарактеризовал Сергей Михеев, российский политик, радио- и телеведущий: «Не верю я в их никакое переживание по поводу сохранности иконы, потому что в гробу они видели все эти иконы, всё это они ненавидят лютой ненавистью и включились в это, во-первых, для того, чтобы ещё в который раз побороться с православием, во-вторых, чтобы эту мощную символическую икону не допустить до русского народа» [6].

Тем не менее, за май-июнь 2023 года был разработан, в июле обсужден, а уже в декабре прошлого года Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» вступил в силу [1].

Отсюда вывод, говоря словами профессора Ф.Ф. Преображенского из «Собачьего сердца», фактически Федеральный закон запрещает в дальнейшем передачу из «музейного некрополя» в собственность Русской православной церкви её исторического достояния – церковных икон.

В 1844 году, незадолго до смерти Николай Михайлович Языков, наш соотечественник, русский поэт эпохи романтизма, один из ярких представителей золотого века русской поэзии, славянофил так провидчески, духовным зрением пронзая годы, характеризовал деяния либерально-глобалистского крыла общества современной России. В стихотворении «К не нашим» он пишет:

«Вы, люд заносчивый и дерзкий,
Вы, опрометчивый оплот,
Ученья школы богомерзкой,
Вы все-не русский вы народ!
Не любо вам святое дело
И слава нашей старины;
В вас не живёт, в вас помертвело
Родное чувство» [11].

А вот, что по этому поводу думал уже наш современник, недавно ушедший от нас Владимир Волков, русский поэт, композитор, певец:

«Ой, не время нынче спать, православные,
Белый голубь пал в бою с чёрным коршуном.
То, что горько нам сейчас-
Вряд ли главное,
Было горше на Руси,
Было горше нам» [3].

Что же делать? Не ждать и следовать восточной мудрости: «Если ты спокойно сидишь на крыльце своего дома, твоего врага пронесут мимо». Не только пронесут, но и под видом «борьбы за продвижение демократии англосаксонской цивилизации» навяжут «болонизацию», «ЛГБТизацию», «сатанизацию», «кощунизацию», «трансгендеризацию» духовно-нравственного пространства нашего традиционного многонационального русского мира, иными словами, идеалы мира «гендерного и сатанинского».

Полагаем, что рано или поздно, но все иконописные образы, хранящиеся до настоящего времени в «музейных некрополях» должны обрести своё место в храмах и вернуться к верующим для духовного врачевания их душ, в «осень разбитых» десятилетиями воинствующего инаковерия и атеизма. Помоги нам, Господи!

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12.12.2023 № 581-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» // www.consultant.ru

2. Проект федерального закона № 362429-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации”» (в части законодательного закрепления принципа неделимости собрания музеев) // https://sozd.duma.gov.ru/bill/362429-8?ysclid=lrkaor5elp6375 09737

3. *Волков В.* Православные // https://www.pravmir.ru/pamyati-vladimira-volkova-oj-ne-vremya-nynche-spat-pravoslavnye/?ysclid=lsgj5t95wa 986308318

4. Директор Пушкинского музея: передача «Троицы» из Третьяковки несет риски для иконы // https://www.kommersant.ru/doc/5987302?ysclid=lsgichg2ak 375290700; Толстой заявил, что «Троицу» вернут на реставрацию в Третьяковскую галерею // https://www.gazeta.ru/culture/news/2023/06/07/20615084.shtml? ysclid=lsgjwoicr7389498701

5. История с «Троицей»: почему объекты культуры передают религиозным организациям // https://www.forbes.ru/forbeslife/491015-istoria-s-troicej-pocemu-ob-ekty-kul-tury-peredaut-religioznym-organizaciam?ysclid=lsgin9zop0193201908

6. *Михалков Н.С.* «Если Бога нет, всё дозволено» // Авторская программа «Бесогон ТВ» от 21.10.2023.

7. Русская православная церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. «Патриаршая проповедь после Литургии в Иоанно-Предтеченском ставропигиальном женском монастыре г. Москвы» от 08.07.2023 // www.patriarchia. ru/db/text/6040859.html

8. Творения Кв. Септ. Флор. Тертуллиана. Часть 1. Апологетические сочинения Тертуллиана. Киев: Тип. Акц. Об-ва "Петр Барский, в Киеве". 1910. С. 81–204. Перевод: Н. Щеглова // «Апологетик», 17, 6. //https://azbyka.ru/otechnik/ Tertullian/apologetik/

9. Умрет в течение года: искусствовед объяснила, почему «Троицу» нельзя было отдавать РПЦ // https://attention.plus/obschestvo/ nid54669_ au109auauau_ cr12157crcrcr_umret-v-techenie-goda-iskusstvoved-obyasnila-pochemu-troicu-nelzya-bylo-otdavat-rpc

10. *Ходнев Сергей.* «Печально об образе. Проблемы вокруг рублёвской «Троицы» вынесли на круглый стол» от 22.07.2023 // https: //www.kommersant. ru/doc/6112447

11. *Языков Н.М.* К не нашим // https://proza.ru/2014/08/21/1806?ysclid= lsgizx 49vn825815836

Для цитирования: *Заботкин Г.А., Юдин В.И., Явид Я.А.* Увидим ли святыни православные? // Юридическая мысль. – 2024. – № 4 (132). – С. 46–51.

DOI: 10.25839/MATGIP.2024.132.4.46

WILL WE SEE THE ORTHODOX SHRINES?

Gennady A. Zabotkin*
Valery I. Yudin**
Yaroslav A. Yavid***

Annotation. The article provides an analysis of the opinions of art scholars and museum workers regarding the return to the Russian Orthodox Church of the Trinity icon, painted in the 15th century by the Rev. Andrei Rublev. The authors proceed from the legal fact that museum objects and museum collections from the funds of the country's museums are recognized as single and indivisible.

Key words: museum, icon, law, museum funds, Orthodoxy.

Last summer, we witnessed an event that was little noticeable to the average person, but very significant for the future spiritual life of Russian society as a whole. Promptly at the beginning of summer, draft federal law No. 362429-8 «On Amendments to the Federal Law "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation"» was developed and already on July 19, 2023 was adopted in the first reading by the State Duma (in terms of legislative codification the principle of indivisibility of museum collections) [2]. Moreover, senators of the Russian Federation and deputies of the State Duma were ordered to submit amendments to the bill before August 17, 2023, that is, while they were on summer vacation.

On November 28, 2023, the bill is adopted by deputies in the second reading, and on November 30 – in the third reading. On December 7, senators approve the Federal Law, and on December 12, it is signed by the President of the Russian Federation and published [1].

In the Federal Law, museum objects and museum collections from the funds of the country's museums are recognized as single and indivisible, changing the status of ownership of museum objects is not allowed, and the transfer of museum objects, including those originally for religious purposes, is possible in some cases and not in ownership, but only in temporary urgent use. What is the reason for such activity in lawmaking?

* **Zabotkin Gennady Alekseevich,** art critic, Acting State Advisor of the Russian Federation, III class, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, expert of the Ministry of Culture and Mass Communications of the Russian Federation. E-mail: zga.2014@yandex.ru

** **Yudin Valery Ivanovich,** Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Philosophy of Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Assistant to the Senator of the Russian Federation, Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations. E-mail: valeriyudin@yandex.ru

*** **Yavid Yaroslav Alekseevich,** graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg); Head of the EP «Directorate for Development in the Northwestern Federal District "FAU "RosKapStroy"». E-mail: info@yavid.ru

Scientific supervisor – **Sergey Aleksandrovich Komarov**, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, scientific director of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. Http://orcid.org/0000-0002-0425-0897. E-mail: matgip2017@yandex.ru.

It is well known that on May 15, 2023, President of the Russian Federation V.V. Putin, in response to numerous requests from Orthodox believers, decided to return to the Russian Orthodox Church the Trinity icon, painted in the 15th century by St. Andrei Rublev. With the blessing of His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Rus', the image was exhibited for public worship in the Moscow Cathedral of Christ the Savior, and will soon take its historical place in the Trinity Cathedral of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius.

The event is, of course, extraordinary for the Orthodox people of Russia; for more than four centuries, the icon served "faithfully and truly" to the Orthodox believers of the God-bearing Russian world, fulfilling the sacred meaning originally intended for it by the outstanding icon painter Andrei Rublev. How much spiritual power, centuries-old healing grace and love "merged for the Russian heart" in this symbolic image! "Trinity" personifies the greatest humanism of Russian Orthodoxy! And only, starting in 1929, the Orthodox icon of the Trinity, fateful for Russia, was in a kind of "museum necropolis" of the State Tretyakov Gallery, separated from its purpose – to be a material connection between God and man.

An act of triumph of historical truth took place – what was returned to God was not Caesar's, but God's. The "Trinity" returned to "its post" – worshiping the people. According to the priest of the Russian Orthodox Church, theologian, philosopher, Pavel Florensky: "There is Rublev's Trinity, therefore there is God." The God-breathing icon painters Daniil Cherny, Theophanes the Greek, Andrei Rublev, their predecessors and followers created their images exclusively for churches and with the hope that the Orthodox heart, sensitive to divine vibrations, would sense with spiritual vision through communication with them through prayer the presence of God's principle in our material world. Moreover, then, and even now, we must consider any attempt to weigh in the balance the significance of an iconographic image, as a work of art, and as a spiritual force, as an act of deepest falling away from the church.

To fight against the sacredness of an icon is a kind of apostasy. What kind of "petrified heart" does one have to have to claim the opposite! After all, a long time ago, in 197–198, Quintus Septimius Florence (Florent) Tertullian, an outstanding early Christian writer, theologian, philosopher from Roman Carthage, said: "The soul is Christian by nature" [8].

On July 7, 2023, while performing the Divine Liturgy at the St. John the Baptist Stauropegial Convent in Moscow, at the end of the service, His Holiness Patriarch Kirill of Moscow and All Rus', in an address to believers on this occasion, said: "We are losing faith, perhaps for another reason that we have no clear evidence that faith actually transforms human life. But we do not have such evidence, not because there is none, but because we are unworthy to see it due to our lack of faith and, as I already said, petrified insensibility" [7].

The entire variegated activists of the Anglo-Saxon liberal-globalist "royal army" have risen from their seclusion. On June 7, information was posted on the Yandex platform in the "Main News" section with a statement from a high-ranking official from the presidential administration that the transfer needed to be streamlined. To do this, create a commission of representatives of the Russian Orthodox Church and museum workers and determine the procedure for

transfer. To be fair, it must be said that this information, having given rise to the start of the protest campaign, stayed on the platform's website until lunch, and in the afternoon, it disappeared into the vast expanses of the media space [4].

On June 14, on the same Yandex platform, in the same section, information from the Public News Service is posted, in which the author Irina Kipshidze asks the main question: "The main question is that our main shrines, our cultural values, sacred values should be preserved for future generations." On June 27, in the same "Main News" we read information from another high-ranking official from the presidential administration in the field of international cultural cooperation, which came to Russia from international platforms, from India, from its capital New Delhi. From the information we learn that "Trinity" is a great masterpiece of culture.

Alexander Bykovsky and Alexey Strizhov publish an article on an electronic media resource "The story of the Trinity: why cultural objects are transferred to religious organizations" [5]. The authors of the article find out: "can the transfer of museum valuables for use to confessions be considered the beginning of a new cultural and religious redistribution," and then state: "In 2023, the restoration council of the Tretyakov Gallery discovered 61 changes on it (the icon – authors) caused by the transportation of a fragile object to Lavra. Her "unstable" condition, the worsening of which could lead to the loss of the monument. It will be almost impossible to provide suitable storage conditions in the Trinity-Sergius Lavra, and regular access for restorers will be prohibited."

According to Irina Shalina, a museum expert, this could have been avoided by replacing the original icons with modern copies, and transferring the Rublev icons to the museum for storage and restoration. "But such actions," she believes, "need a professional approach from educated people. Unfortunately, ambitions and the basic desire to own are destroying unique monuments of world culture" [5].

Art critic Sofya Bagdasarova: "After the "Trinity" ceases to live in the museum and is supported by museum specialists, it will die in the physical sense of the word" [9]. Elizaveta Likhacheva, director of the Pushkin Museum named after A.S. Pushkin: "It could simply be lost, it could fall apart: there are three boards, and they are not very well fastened together. To preserve the "Trinity", complete rest, humidity at 65–70% and a temperature of +16-18 degrees Celsius are required" [4]. Irina Shapovalova: "The museum carefully preserves and studies antiquities; the curator literally blows the dust off them and thinks about how to prolong their life. In the church, an icon serves as a liturgical object that is involved in worship: they burn incense on it, sprinkle it with water, take it to religious processions, kiss it, move it, renew it."

A peculiar result of the "orchestrated" surge in the media space of indignation of the professional museum community regarding the return of Andrei Rublev's "Trinity" icon to the liturgical bosom of the Russian Orthodox Church was summed up on July 22, 2023 at the Moscow State Institute of Art History at the round table "The Holy Trinity" by Andrei Rublev: problems of conservation and exposure" [10]. Subject matter experts, art historians, restorers and representatives of central museums participated in it in person and via video link.

They talked about everything: about global processes that threaten the traditional museum community ("resacralization, desecularization, in general, archaization as a trend in the development of society"), about the legal poor quality of the agreement on the transfer of the "Trinity" icon to the Russian Orthodox Church, about strict compliance by the "church side" » the museum's demands for the "preservation of the monument", for the creation of a "climatic capsule for transporting the icon to the Lavra" with monastery money, for how to install a brand new capsule with the "Trinity" in a small precious space so that it, illuminated according to museum standards, does not she looked wild and foreign there.

Museum restorer Dmitry Sukhoverkov refuted the popular myth that nothing remains of the original "Trinity"; it was all fabricated by 20th-century restorers. The degree of preservation of the original painting, even if it is "shabby," is 80%, which is quite a lot for an icon with a difficult fate. The bottom line was that it was agreed that: "The icon can hardly be in the Trinity Cathedral of the Trinity-Sergius Lavra. This is a tiny room without proper security and without a museum climate, with a daily stream of pilgrims and burning candles; The most reasonable thing would be to take out the icons of the local iconostasis, and in addition to the "Trinity", replace them with accurate lists and museumize them – otherwise they will have to be cleared of the soot decade after decade, but this cannot be done indefinitely, they are already crumbling as it turns out." [10].

All this worldly commotion in the public space was very figuratively characterized by Sergei Mikheev, a Russian politician, radio and television presenter: "I don't believe in their concern about the safety of the icon, because they saw all these icons in the coffin, they hate all this with a fierce hatred and got involved in this, firstly, in order to once again fight Orthodoxy, and secondly, in order to prevent this powerful symbolic icon from reaching the Russian people" [6].

However, in May-June 2023, the Federal Law was developed, discussed in July, and already in December last year

"On Amendments to the Federal Law "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation"" came into force [1].

Hence the conclusion, in the words of Professor F.F. Preobrazhensky from "Heart of a Dog", in fact, the Federal Law prohibits the future transfer from the "museum necropolis" to the ownership of the Russian Orthodox Church of its historical property – church icons.

In 1844, shortly before his death, Nikolai Mikhailovich Yazykov, our compatriot, Russian poet of the era of romanticism, one of the brightest representatives of the golden age of Russian poetry, a Slavophile so prophetically, piercing the years with spiritual vision, characterized the actions of the liberal-globalist wing of society in modern Russia. In the poem "To Not Ours" he writes:

"You, arrogant and impudent people,
You, reckless stronghold,
The teachings of the godless school,
You are all not Russian people!
You don't like sacred things
And the glory of our antiquity;
It doesn't live in you, it's dead in you
Native feeling" [11].

And here's what our contemporary, recently departed Vladimir Volkov, Russian poet, composer, singer, thought about this:

"Oh, it's not time to sleep now, Orthodox Christians,
The white dove fell in battle with the black kite.
What is sad for us now is
Hardly the main thing
It was worse in Rus'
It was worse for us" [3].

What to do? Don't wait and follow the Eastern wisdom: "If you sit calmly on the porch of your house, your enemy will be carried past." Not only will they carry it, but also, under the guise of "the struggle to promote the democracy of Anglo-Saxon civilization," they will impose "Bolonization," "LGBTization," "Satanization," "blasphemy," "transgenderization" of the spiritual and moral space of our traditional multinational Russian world, in other words, ideals the world of "gender and satanism".

We believe that sooner or later, all iconographic images stored to this day in "museum necropolises" should find their place in churches and return to believers for the spiritual healing of their souls, "broken" in the "autumn" by decades of militant heterodoxy and atheism. Help us, God!

Bibliography

1. Federal Law of December 12, 2023 No. 581-FZ "On Amendments to the Federal Law "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation"" // www.consultant.ru

2. Draft Federal Law No. 362429-8 "On Amendments to the Federal Law "On the Museum Fund of the Russian Federation and Museums in the Russian Federation"" (regarding legislative enshrinement of the principle of indivisibility of museum collections) // https://sozd.duma.gov .ru/bill/362429-8?ysclid=lrkaor5elp637509737

3. Volkov V. Orthodox // https://www.pravmir.ru/pamyati-vladimira-volkova-oj-ne-vremya-nynche-spat-pravoslavnye/?ysclid=lsgj5t95wa 986308318

4. Director of the Pushkin Museum: the transfer of "Trinity" from the Tretyakov Gallery carries risks for the icon // https://www.kommersant.ru/ doc/5987302? ysclid=lsgichg 2ak375290700; Tolstoy stated that "The Trinity" will be returned for restoration to the Tretyakov Gallery // https://www.gazeta.ru/ culture/news/2023/ 06/07/ 20615084.shtml?ysclid=lsgjwoicr7389498701

5. The story of the "Trinity": why cultural objects are transferred to religious organizations // https://www.forbes.ru/forbeslife/491015-istoria-s-troicej-pocemu-obekty-kul-tury-peredaut-religioznym- Organizaciam?ysclid=lsgin9zop0193201908

6. Mikhalkov N.S. "If there is no God, everything is permitted" // Author's program "Besogon TV" dated 10.21.2023.

7. Russian Orthodox Church. Official website of the Moscow Patriarchate. "Patriarchal sermon after the Liturgy in St. John the Baptist Stauropegial Convent of Moscow" dated 07/08/2023 // www.patriarchia.ru/db/text/6040859.html

8. Creations Kv. Sept. Flor. Tertullian. Part 1. Apologetic writings of Tertullian. Kyiv: Type. Aks. Society "Peter Barsky, in Kyiv". 1910. pp. 81–204. Translation: N. Shcheglova // "Apologetic", 17, 6. //https://azbyka.ru/otechnik/ Tertullian/ apologetik/

9. Will die within a year: an art critic explained why “Trinity” could not be given to the Russian Orthodox Church // https://attention.plus/obschestvo/nid54669_au109auauau_cr12157crcrcr_umret-v-techenie-goda-iskusstvoved-obyasnila-pochemu-troicu-nelzya-bylo -otdavat-rpc

10. Khodnev Sergey. “It’s sad about the image. Problems around Rublev’s “Trinity” were brought to the round table” dated July 22, 2023 // https: //www.kommersant.ru/doc/6112447

11. Yazykov N.M. To not ours // https://proza.ru/2014/08/21/1806?ysclid=lsgizx 49vn825815836

For citation: Zabotkin G.A., Yudin V.I., Yavid Y.A. Will we see Orthodox shrines? // Legal thought. 2024. No. 4 (132). P. 52–57.

DOI: 10.25839/MATGIP.2024.132.4.46

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.58

ЭТИЧЕСКИЕ И МОРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: НЕОБХОДИМОСТЬ РАЗРАБОТКИ ЭТИЧЕСКИХ СТАНДАРТОВ ДЛЯ БИЗНЕСА И ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Т.З. Саная*

Аннотация. В статье рассмотрены моральные и этические аспекты, связанные с цифровой экономикой. Подчеркивается необходимость создания новых этических стандартов как для клиентов, так и для бизнеса. Проведен подробный разбор современных проблем в области этики и морали, которые так или иначе касаются цифровой экономики. Были рассмотрены нарушения авторских прав, фейковая информация и многие другие важные аспекты этой проблемы. Предложены различные методики по внедрению новых этических стандартов, направленных на защиту интересов и прав потребителей.

Ключевые слова: клиенты, бизнес, этика, мораль, потребитель, цифровая экономика, цифровизация, персональные данные, информационная цивилизация.

Появление цифровой экономики принесло как положительные, так и отрицательные явления в государственную и общественную жизнь. В рамках отрицательных появились различные проблемы, включая информационную зависимость [4, 8], целый ряд этических и моральных обстоятельств, которые являются очень важными в нашем быстро меняющемся мире. Как известно, каждый день происходят десятки тысяч цифровых преступлений, которые порочат честь и достоинство многих пользователей Интернета, также и людей, которые далеки от него.

Так или иначе большинство сведений о лицах (персональные данные) содержатся в специальных базах данных (даже если человек не пользуется Интернетом – например, в финансовых организациях, включая банки), поэтому одной из наиболее весомых проблем в современной экономике является использование персональных данных без ведомого согласия их владельца. Мало того, что эти данные могут использоваться как самим банком (бывают случаи, когда такие данные используются в различных рассылках, опросах и тому подобное), так и совершенно посторонними лицами в ре-

* **Саная Тамар Звиадиевна,** магистрант Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им М.В. Ломоносова. E-mail: tamarsanaya@yandex.ru

зультате утечки информации (например, на банк произошла хакерская атака, в результате чего были похищены данные многих клиентов) – все это приводит к весьма негативным последствиям, так как после такой утечки данные могут быть использованы кем угодно и когда угодно, что ставит под сомнение надежность и безопасность многих систем.

В числе персональных данных может быть что угодно – например, возраст человека, его адрес проживания, семейное положение, номер банковского счета и многое другое. Любое использование данных без согласия их законного владельца ведет к массе проблем этического, морального, а также правового характера, так как нарушаются базовые принципы Конституции Российской Федерации [1]. Всегда существует вероятность утечки и неправомерного пользования данными. Здесь стоит отметить, что если банк использует эти данные, то здесь нет нарушений этических норм, но, если эти данные попали к хакерам, а далее в «даркнет», то последствия могут быть более серьезными – это может напрямую угрожать безопасности пользователя (включая финансовую безопасность самого банка). Такие аспекты современной цифровой экономики заставляют задуматься о возможных мерах пресечения подобных преступлений и поэтому любые финансовые, медицинские и иные организации должны быть готовы к тому, чтобы усилить свои системы защиты для того, чтобы помочь своим клиентам, в противном случае люди будут отказываться от их услуг, что приведет к их дальнейшему закрытию [10, 11, 12].

Использование персональных данных приводит и к другим проблемам. Например, хакер смог получить доступ к видео личного характера с мобильного устройства человека, а затем он выложил его в сеть – это приводит к тому, что честь и достоинство человека были нарушены, причем здесь будет виновата организация, особенно если утечка данных произошла в результате того, что хакер узнал о таком видео, после доступа к финансовому аккаунту, ведь очень часто мобильный телефон имеет несколько приложений, которые имеют доступ к банку. Все это также затрагивает моральные и этические аспекты современной жизни.

Конечно же, примеров может быть много, помимо обычной хакерской атаки – персональные данные могут быть использованы для выборки людей по определенным критериям (например по полу или по расе), что создает прецедент для этических проблем, так как дискриминация по признакам пола или расы, это серьезное преступление, которое может привести не только к штрафу, но и к иным последствиям (однако здесь стоит помнить, что ответственность за подобную дискриминацию в России – более «мягкая», нежели чем в других странах и на данном этапе она не узаконена).

Перечисленные примеры не являются исчерпывающими, так как на современном этапе в условиях системной трансформации и появления блок-чейн технологий [5, 6, 7], хакеры и другие правонарушители, похищающие данные всегда придумывают все более новые и изощренные способы получить данные людей (некоторые раздают бесплатные сим-карты для получения доступа к вашему телефону).

Помимо кражи личных данных существуют вопросы нарушения авторских прав, которые являются «обычным» делом для Интернета. Любой

человек может купить фильм или программное обеспечение, а затем выложить их в сеть для бесплатного «скачивания», тем самым они нарушают авторские права и буквально «воруют» его выручку, так как вместо того, чтобы купить фильм, человек скачает его в Интернет и он демонстрируется бесплатно.

Стоит отметить, что дело не ограничивается лишь фильмами или программами, можно дойти до воровства более «личных» образцов контента. Например, в Интернете могут скачать видео, убрать водяной знак и притвориться, что данный контент был создан совершенно другим человек, что также нарушает авторские права создателя контента. Подобных примеров много, так как каждый день происходит огромное количество случаев воровства контента, многие видеохостинги стараются пресечь эти преступления, поскольку они не только являются нарушением авторского права, но посягают на моральные и этические принципы площадки.

Все перечисленные преступления оказывают прямое влияние на сферу развлечений, так как многие авторы начинают терять мотивацию к созданию нового контента, по причине существования риска того, что он будет украден. Все это заставляет видеохостинги и другие компании (включая те, что создают ПО и фильмы) прибегать к все более новым стандартам в области этики, морали и права, а также к разработке более совершенной защиты контента.

Важно понимать, что одной лишь защитой против пиратства дело не обойдется, нужно сделать так, чтобы пользователи имели некий набор этических и моральных стандартов, так как если каждое подобное преступление будет оставаться безнаказанным – это приведет к тому, что люди не будут опасаться скачивать «бесплатный» контент в сети. Именно поэтому, одной из главных задач в условиях цифровизации является разработка принципов информационного общества [9], усиление информированности об этических и моральных проблемах. При таком подходе у людей будет пропадать желание скачивать фильмы, ПО, игры, видео и другой платный материал, и они захотят «поддержать» автора, приобретая его. Именно такой политики и придерживаются многие современные компании – они напоминают пользователям о том, что они поддерживают своего любимого автора, что заставляет их лишний раз задуматься о том, а стоит ли скачивать «пиратские» копии.

Исходя из всего сказанного можно выделить несколько основных проблем.

Во-первых, компании используют персональные данные пользователей для личной выгоды. Как было указано выше – это может быть сделано для разработки персональных предложений, устройства на работу и многого другого. Однако в конечном счете это нарушает честь и достоинство пользователей;

Во-вторых, это отсутствие надежной защиты персональных данных. Хакеры часто получают доступ к информации, что приводит к утечкам данным, а затем и к более серьезным проблемам. Все это нарушает не только морально-этические принципы, но и приводит к реальной

угрозе безопасности пользователей (например, их деньги могут быть похищены);

В-третьих, отсутствие прозрачности при передаче данных. Рядовой пользователей банка или интернета – никогда не узнает зачем его данные собираются компанией и как они будут использованы в дальнейшем. Достаточно вспомнить случай с Microsoft и Windows-10, когда компания собирала персональные данные для «улучшения операционной системы», однако в дальнейшем оказалось, что эти данные были проданы третьим лицам для создания таргетированной рекламы, однако Microsoft отрицает этот факт и по сей день.

Конечно же, это далеко не все проблемы, сюда также можно отнести дезинформацию, которая часто влияет на общественное мнение и нарушает стандарты этики (очень часто в сети можно встретить множество фейковых статей или видео), что негативно сказывается не только на этике, но и полностью меняет общественное мнение, приводя к конфликтам в реальной жизни.

Дезинформация также существует и в других сферах современной жизни, например при маркетинге различных товаров – создатели очень часто «приукрашивают» их реальные свойства с целью поднять продажи. Например, одна из крупных компании по производству косметики, часто заявляла, что их косметика делается исключительно из природных материалов (то есть, она полностью натуральна), однако после химической экспертизы выяснилось – что в косметике присутствует очень много химических компонентов. Это ударило не только по репутации компании, но и заставило ее выплатить большой штраф.

Таким образом, существует огромное множество всевозможных проблем в области этики и моральных стандартов, которые так или иначе касаются цифровой экономики. Все эти проблемы усугубляются с приходом все более и более новых технологий. Например, на данном этапе многие люди спорят насколько этично создавать картины при помощи искусственного интеллекта. Кто-то считает, что это отнимает работу у настоящих художников, а кто-то, напротив, считает, что это хорошо. В конечном итоге, требуется принять меры по борьбе с подобными инцидентами.

Предлагается разработать более детализированные кодексы этики на государственном уровне. Например, можно обязать компании раскрывать пользователям механизм использования их личных данных.

Можно организовать специальные службы, которые будут заниматься вопросом этики на государственном уровне. При нарушении этических норм юридические лица могут привлекаться к ответственности вплоть до ликвидации.

Внедрение подобных мер на законодательном уровне [2, 3] поможет бороться с кражей персональных данных и заставит многих людей задуматься, а стоит ли нарушать авторские права и красть чужой материал. Также это позволит наладить более доверительные отношения между пользователями и бизнесом, ведь если рядовой пользователь будет знать, как используются его данные, то он сможет решить, а нужно ли ему работать с данной организацией.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // URL: http://www.pravo. gov.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. – 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // www.consultant.ru.

3. Указ Президента РФ от 20.11.2020 №719 «О совершенствовании государственного управления в сфере цифрового развития, связи и массовых коммуникаций» // www.consultant.ru.

4. *Абдуллаев А.Э.* Цифровая экономика // Устойчивое развитие науки и образования. – 2019. – № 11. – С. 107–110.

5. *Афонасова М.А.* Системная трансформация и блокчейн технологии в сфере государственного управления / Труды XXII международной научно-практической конференции «Системный анализ в проектировании и управлении» (SAEC-2018). – СПб: Изд-во Политехнического ун-та, 2018. – С. 315–319.

6. *Бабкин А.В.* Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы: монография. – СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2017. – 807 с.

7. *Бабкин А.В.* Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития [Текст] // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. – 2017. – № 3. – С. 9–16.

8. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–26.

9. *Дятлов, С.А.* Принципы информационного общества / С.А. Дятлов. [Текст: электронный] // Информационное общество: научно-аналитический журнал. – 2000. – Вып. 2. – С. 77–85.

10. *Мамаева Л.Н.* Характерные проблемы информационной безопасности в современной экономике // Информационная безопасность регионов. – 2016. – № 1 (22). – С. 21–24.

11. *Мамаева Л.Н., Жадан И.Э.* Информационный аспект экономической безопасности // Информационная безопасность регионов. – 2013. – № 2 (13). – С. 67–70.

12. Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности: экономико-правовой аспект [В. Ю. Алферов и др.]; под общ. ред. С. Ю. Наумова, Б. В. Чернышева; М-во образования и науки Российской Федерации, Саратовский социально-экономический ин-т (фил.) РЭУ им. Г. В. Плеханова. – Саратов, 2016. – 284 с.

Для цитирования: *Саная Т.З.* Этические и моральные аспекты цифровой экономики: необходимость разработки этических стандартов для бизнеса и потребителей: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 58–62.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.58

ETHICAL AND MORAL ASPECTS OF THE DIGITAL ECONOMY: THE NEED TO DEVELOP ETHICAL STANDARDS FOR BUSINESSES AND CONSUMERS

Tamar Z. Sanaya*

Annotation. The article discusses the moral and ethical aspects associated with the digital economy. The need to create new ethical standards for both clients and businesses is emphasized. A detailed analysis of modern problems in the field of ethics and morality, which in one way or another relate to the digital economy, was carried out. Copyright violations, fake information and many other important aspects of this problem were discussed. Various methods have been proposed for the introduction of new ethical standards aimed at protecting the interests and rights of consumers.

Key words: clients, business, ethics, morality, consumer, digital economy, digitalization, personal data, information civilization.

The emergence of the digital economy has brought both positive and negative phenomena to government and public life. Within the negative framework, various problems have emerged, including information dependence [4, 8], a number of ethical and moral circumstances that are very important in our rapidly changing world. As you know, tens of thousands of digital crimes occur every day, which discredit the honor and dignity of many Internet users, as well as people who are far from it.

One way or another, most information about individuals (personal data) is contained in special databases (even if a person does not use the Internet – for example, in financial institutions, including banks), therefore one of the most significant problems in the modern economy is the use of personal data. data without the consent of their owner. Not only can this data be used both by the bank itself (there are cases when such data is used in various mailings, surveys, etc.), and by complete strangers as a result of information leakage (for example, a hacker attack occurred on the bank , as a result of which the data of many clients was stolen) – all this leads to very negative consequences, since after such a leak the data can be used by anyone, at any time, which calls into question the reliability and security of many systems.

Personal data can include anything – for example, a person's age, his residential address, marital status, bank account number and much more. Any use of data without the consent of its legal owner leads to a host of ethical, moral, and legal problems, since the basic principles of the Constitution of the Russian Federation are violated [1]. There is always the possibility of data leakage and misuse. It is worth noting here that if the bank uses this data, then there are no violations of ethical standards, but if this data ends up with hackers and then on the "darknet", then the consequences can be more serious – this can directly threaten the user's security (including the financial security

* **Sanaya Tamar Zviadievna,** master's student at the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: tamarsanaya@ yandex.ru

of the bank itself). Such aspects of the modern digital economy make us think about possible measures to suppress such crimes and therefore any financial, medical and other organizations should be prepared to strengthen their protection systems in order to help their clients, in otherwise, people will refuse their services, which will lead to their further closure [10, 11, 12].

The use of personal data also leads to other problems. For example, a hacker was able to access a personal video from a person's mobile device, and then he posted it online – this leads to the fact that the person's honor and dignity were violated, and the organization will be to blame, especially if the data leak occurred in as a result of the fact that the hacker learned about such a video after accessing a financial account, because very often a mobile phone has several applications that have access to the bank. All this also affects the moral and ethical aspects of modern life.

Of course, there can be many examples beyond the usual hacker attack – personal data can be used to select people based on certain criteria (for example, by gender or race), which creates a precedent for ethical problems, since discrimination based on gender or race is a serious crime that can lead not only to a fine, but also to other consequences (however, it is worth remembering that liability for such discrimination in Russia is more "milder" than in other countries and at this stage it is not legalized) .

The listed examples are not exhaustive, since at the present stage, in the conditions of systemic transformation and the emergence of blockchain technologies [5, 6, 7], hackers and other offenders who steal data are always coming up with newer and more sophisticated ways to obtain people's data (some give out free SIM cards to gain access to your phone).

Beyond identity theft, there are issues of copyright infringement that are "business as usual" on the Internet. Anyone can buy a movie or software and then put it online for free "downloading", thereby violating copyright and literally "stealing" his proceeds, since instead of buying the movie, a person downloads it to the Internet and it is shown for free.

It is worth noting that the matter is not limited only to films or programs; one can even go as far as stealing more "personal" content samples. For example, people on the Internet can download a video, remove the watermark, and pretend that the content was created by a completely different person, which also violates the copyright of the content creator. There are many similar examples, since every day there are a huge number of cases of content theft, many video hosting sites are trying to stop these crimes, since they are not only a violation of copyright, but encroach on the moral and ethical principles of the site.

All of these crimes have a direct impact on the entertainment industry, as many authors begin to lose motivation to create new content due to the risk that it will be stolen. All this is forcing video hosting companies and other companies (including those that create software and films) to resort to increasingly new standards in the field of ethics, morality and law, as well as to develop more advanced content protection.

It is important to understand that protection against piracy alone will not do the trick; it is necessary to ensure that users have a certain set of ethical

and moral standards, since if every such crime remains unpunished, this will lead to the fact that people will not Be wary of downloading “free” content on the Internet. That is why, one of the main tasks in the context of digitalization is the development of the principles of the information society [9], increasing awareness of ethical and moral issues. With this approach, people will lose the desire to download films, software, games, videos and other paid material, and they will want to “support” the author by purchasing it. This is precisely the policy that many modern companies adhere to – they remind users that they support their favorite author, which makes them think once again about whether it is worth downloading “pirated” copies.

Based on all that has been said, several main problems can be identified.

First, companies use users' personal data for personal gain. As stated above, this can be done to develop personal offers, job placement, and much more. However, ultimately this violates the honor and dignity of users;

Secondly, there is a lack of reliable protection of personal data. Hackers often gain access to information, which leads to data leaks and then to more serious problems. All this violates not only moral and ethical principles, but also leads to a real threat to the safety of users (for example, their money can be stolen);

Thirdly, the lack of transparency in data transfer. An ordinary bank or Internet user will never know why his data is collected by the company and how it will be used in the future. Suffice it to recall the case with Microsoft and Windows 10, when the company collected personal data to “improve the operating system,” but later it turned out that this data was sold to third parties to create targeted advertising, but Microsoft denies this fact and this day.

Of course, these are not all the problems; this also includes misinformation, which often influences public opinion and violates ethical standards (very often you can find many fake articles or videos on the Internet), which negatively affects not only ethics, but and completely changes public opinion, leading to conflicts in real life.

Misinformation also exists in other areas of modern life, for example, in the marketing of various products – creators very often “embellish” their real properties in order to increase sales. For example, one of the large companies producing cosmetics often stated that their cosmetics are made exclusively from natural materials (that is, they are completely natural), but after a chemical examination it turned out that there are a lot of chemical components in cosmetics. This not only damaged the company's reputation, but also forced it to pay a large fine.

Thus, there are a huge variety of all kinds of problems in the field of ethics and moral standards that in one way or another relate to the digital economy. All these problems are getting worse with the advent of more and more new technologies. For example, at this stage, many people are arguing about how ethical it is to create paintings using artificial intelligence. Some people think that this takes work away from real artists, while others, on the contrary, think that this is good. Ultimately, measures must be taken to combat such incidents.

It is proposed to develop more detailed codes of ethics at the state level. For example, companies could be required to disclose to users how their personal data is used.

It is possible to organize special services that will deal with the issue of ethics at the state level. If ethical standards are violated, legal entities may be held accountable up to and including liquidation.

The introduction of such measures at the legislative level [2, 3] will help combat the theft of personal data and will make many people think about whether it is worth violating copyrights and stealing other people's material. This will also help establish more trusting relationships between users and businesses, because if the average user knows how his data is used, he will be able to decide whether he needs to work with this organization.

Bibliography

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // URL: http://www.pravo. gov.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Urayt", 2023. 325 p. (Series: Professional commentary).

2. Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 2, 2021) "On experimental legal regimes in the field of digital innovation in the Russian Federation" // www.consultant.ru.

3. Decree of the President of the Russian Federation of November 20, 2020 No. 719 "On improving public administration in the field of digital development, communications and mass communications" // www.consultant.ru.

4. Abdullaev A.E. Digital economy // Sustainable development of science and education. 2019. No. 11. P. 107–110.

5. Afonasova M.A. System transformation and blockchain technologies in the field of public administration / Proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference "System Analysis in Design and Management" (SAEC-2018). St. Petersburg: Publishing house Polytechnic. Univ., 2018. Pp. 315–319.

6. Babkin A.V. Digital transformation of the economy and industry: problems and prospects: monograph. St. Petersburg: Publishing House Polytechnic. Univ., 2017. 807 p.

7. Babkin A.V. Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems [Text] // Scientific and Technical Journal of the St. Petersburg State Polytechnic University. Economic Sciences. 2017. No. 3. P. 9–16.

8. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of an individual in the context of information dependence: theoretical and legal aspects: article // Legal Thought. 2020. No. 2 (118). Pp. 9–26.

9. Dyatlov, S.A. Principles of the information society / S.A. Dyatlov. Text: electronic // Information Society: scientific and analytical journal. 2000. Vol. 2. pp. 77–85.

10. Mamaeva L.N. Characteristic problems of information security in the modern economy // Information security of regions. 2016. No. 1 (22). Pp. 21–24.

11. Mamaeva L.N., Zhadan I.E. Information aspect of economic security // Information security of regions. 2013. No. 2 (13). Pp. 67–70.

12. State policy in the field of ensuring national security: economic and legal aspect [V. Yu. Alferov and others]; under general ed. S. Yu. Naumova, B. V. Chernysheva; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Saratov Socio-Economic Institute (Phil.) REU im. G. V. Plekhanov. Saratov, 2016. 284 p.

For citation: Sanaya T.Z. Ethical and moral aspects of the digital economy: the need to develop ethical standards for business and consumers: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 63–67.
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.58

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.0
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.68

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

А.И. Мухин*

Аннотация. Использование различного вида денежных средств породили большое количество дискуссий как в обществе, так и научных кругах. Появление новой формы валюты «цифрового рубля» обусловливает последовательный переход на совершенно другую форму обращения денежных средств. С законодательной стороны переход должен выражаться путем внесения изменений и принятия различных видов нормативно-правовых актов, но этот процесс требует определенного времени.

Основная цель статьи проанализировать актуальные вопросы правового регулирования электронного денежного оборота.

Основные материалы – это нормативно-правовые акты, регулирующие денежное обращение.

Метод исследования – анализ положений действующего законодательства, в результате которого выявлены несовершенства в правовом регулировании наличных, безналичных, электронных и цифровых денег.

В заключении сделан вывод о том, что для эффективного функционирования всех современных форм денег требуется совершенствование законодательства РФ в сфере денежного обращения.

Ключевые слова: денежный оборот, электронные платежные средства, цифровые денежные знаки, нормативная база, наличный расчет, безналичный расчет, эмитент, цифровизация, сеть Интернет.

Появление новых видов информационных способов и средств, технологического прогресса способствует росту интереса к данной сфере. Цифровизация как явление стимулирует абсолютно все сферы государственной и общественной жизни, внедрятся в нее и становится неотъемлемой его частью [4, 5]. С ростом

* **Мухин Алексеи Игоревич,** студент 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследовании Высшей школы государственного аудита Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: mlesha333@gmail.com

электронных торговых сервисов, получают и развитие электронные системы платежа и цифровые денежные средства.

Сегодня каждый, у кого существует доступ к сети Интернет, обладает возможностью заниматься торговлей, постигать новые профессии и заниматься предпринимательской деятельностью «не выходя из дома». Существующие способы и формы расчетов устаревают и на смену им приходят абсолютно новые и универсальные инструменты, такие как электронные денежные средства.

Европейский банк недавно выступил с определением, что цифровые денежные знаки – это обязательство, которое по своей сути не является деньгами. Ряд государств не признает цифровые денежные средства, основываясь на том, что у данных средств нет государственной гарантии и обеспеченности со стороны государства.

Электронные деньги в силу отсутствия материального проявления представляют собой информацию (о балансе) хранящуюся на носителе. С помощью этой информации могут совершаться транзакции, платежи и другие денежные манипуляции. Данная особенность «отсутствие материального носителя» у цифровых денег – является ключевой в сохранении и быстром перемещении денег от одного обладателя другому.

Существование электронных денежных средств не препятствует существованию наличных и безналичных денег, тем самым – наличествует минимум три и более форм денег. Однако, если правительство или государство стимулирует технологический прогресс, то цифровые денежные знаки, могут занять крупную часть платежного рынка и в какой-то момент вытеснить привычные нам наличные и безналичные деньги.

Специфика данного явления заключается в том, что данные средства обладают рядом преимуществ сравнительно с другими формами. Высокая скорость осуществления платежей, является основополагающим фактором развития экономики, чем быстрее деньги поступают на счет, тем быстрее осуществляется экономическое развитие абсолютно всех отраслей. Еще одними преимуществами этих средств могут выступать: низкая стоимость эмиссии данных инструментов, отсутствие изнашиваемости, крайняя затруднительность в их воровстве, так как физического места хранения у них нет.

Перечислив ряд признаков, следует обратить внимание и на положительное влияние использования данных средств. Расходуя цифровые денежные знаки у государственно-надзорных органов и у пользователей, всегда существует четкое и конкретное понимание их истории, происхождения, законности. Пропадает необходимость в проверки своих контрагентов на предмет добросовестности их деятельности.

Наряду с наличной денежной массой и цифровой, государственно-надзорные органы сталкиваются с абсолютно новыми способами мошенничества, так как цифровые деньги – являются программой, а любая программа создается для решения определенных целей и задач (иногда эти задачи носят преступный характер). Если раньше в мошеннических схемах использовалась исключительно наличная денежная масса, то сегодня может использоваться и цифровая, что открывает новые горизонты и возможности для противоправных деяний.

Центральные банки развитых стран абсолютно по-разному относятся к возникновению новых цифровых денежных потоков. Многие банки стали инициаторами запретов на использование цифровых валютных единиц.

Банки как обладатели монополии на выпуск денег ссылаются на то, что электронные денежные средства обладают признаком частности, а негосударственная эмиссия запрещена, исходя из федеральных законов большинства стран.

Электронные деньги по функциональным признакам обладают почти всеми характеристиками национальной валюты. В связи с этим, можно предположить, что запреты и ограничения на использования валют «антагонистов» вполне оправданы, так как использование параллельно двух или более валют не только подрывает суверенность страны, но и стимулирует развитие «черной» экономики, что опасно для финансовой устойчивости страны.

Соединённые Штаты Америки не стали бороться с «биткоином» и запрещать операции с ним на территории своих штатов, их правительство решило внедрить их в существующую систему страны – путем приобретения. Таким образом правительство стало мажоритарным держателем данной цифровой валюты. Исходя из этого США имеет возможность влияния на рынок спроса и предложения данной валюты.

По оценке специалистов большинство преступлений в штатах совершалось с использованием цифровой валюты, и подавляющая часть предыдущих держателей данной валюты были преступники, которые с помощью данного цифрового денежного средства, занимались «обелением» преступных доходов. На сегодняшний день США имеет возможность влиять на данную валюту, изымать ее из обращения и полностью контролировать, тем самым можно сделать вывод, что «поглотив» данную валюту они стали полноценными правообладателями. В настоящее время правительство США задумывается о создании фиатной валюты на платформе «биткоин».

«Развитие технологий, цифровизация бизнес-процессов в самых разных отраслях экономики, сокращение доли наличных в транзакциях и растущий запрос общества на использование передовых технологий в денежных расчетах, задачи повышения доступности финансовых услуг наряду с поддержкой устойчивости и безопасности платежных систем – вот неполный перечень причин, побуждающих центральные банки активизировать работу над цифровыми валютами и быть готовыми к их выпуску, даже если пока не до конца известно, когда именно такая необходимость наступит и какие именно технологические решения потребуются для реализации подобного проекта» [7].

В статье 75 Конституции РФ установлен особый конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации, определено его исключительное право на осуществление денежной эмиссии (часть 1) и в качестве основной функции – защита и обеспечение устойчивости рубля (часть 2) [1]. Статус, цели деятельности, функции и полномочия Банка России определяются также Федеральным законом 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2] и другими федеральными законами [3].

В силу этого Центральный Банк РФ разработал на основе различных электронных денежных средств и платформ свой «цифровой рубль», который признан и ратифицирован государством как еще один вид национальной валюты. При этом данная валюта «цифровой рубль» приравнена к остальным двум – наличной и безналичной валюте.

Важным его отличием является эмитент, в отличие от других видов электронных и цифровых денежных средств эмитентом и руководителем платформы – является Центральный банк РФ. Именно он устанавливает правила пользования, условия пользования, круг пользователей и требования к присоединению. Теперь абсолютно каждый, кто заключит договор присоединения сможет беспрепятственно отказаться от привычных безналичных расчетов и перейти на цифровые расчеты.

Данное нововведение послужило поводом для дискуссий, вызвало как позитивные реакции, так и негативные. Ряд противников ссылается на тотальный контроль за денежными средствами, что в свою очередь послужит мотивом для «обрушения» рыночной экономики страны. Риск того, что государство будет по своему усмотрению распоряжаться деньгами, устанавливать минимальный остаток по счету и срок годности на цифровые рубли, также вызывает возмущение у возможных пользователей данной платформы.

Существуют и положительные черты данного явления: все цифровые средства будут храниться и использоваться централизованно на цифровой платформе, что существенно сократит комиссии, уплачиваемые за транзакции коммерческим банкам и денежные средства, находящиеся на счетах, будут под защитой (обеспечением) государства. Данное новшество может положительно сказаться на противодействии коррупции и отмыванию доходов, полученных преступным путем, так как у каждого цифрового рубля создается индивидуальная метка, которая позволяет прослеживать историю любой транзакции.

Главным отличием таких денежных средств от безналичных является их расположение и возможность начисления процентов. Банк России стремиться отвечать быстроизменяющимся потребностям людей и организаций, тем самым внедряет инновационные системы и технологии даже в самые фундаментальные отрасли жизни.

Как всем известно любые изменения требует времени и большого количества ресурсов для полноценного внедрения. Учитывая тот факт, что заявленная Центральным банком возможность совершать транзакции без использования связи, по большому счету, пока что нереализуема на территории страны, данное новшество требует существенной проработки для качественной реализации.

На данный момент государство не стремиться отказываться даже от оборота наличных денежных средств. Законодательно природа безналичных и цифровых денежных единиц еще не сформулирована. Для выявления сущности данных понятий необходимо пересматривать всю работу экономико- финансовой системы, следует обратить внимание на полномочия субъектов финансовой системы.

На сегодняшний день «пробелы» в законодательстве и технологическое несовершенство послужило возникновению рисков совершения пре-

ступных деяний, в том числе в сети Интернет. Многие лица ежедневно используют данные «лазейки» в своих интересах, при этом остаются безнаказанными. Продажа оружия, прекурсоров, людей неразрывно связана с использованием крипто (скрытой) валюты, так называемой частной валюты (эмитирумой негосударственными субъектами). В России существует ряд ограничений, направленных на борьбу с этим, но, к сожалению, вследствие ограниченности ресурсов, отсутствия квалифицированных кадров и иногда даже заинтересованности отдельных лиц данный процесс растягивается во времени, доказательства пропадают и виновные субъекты остаются на свободе. По всему миру не так много служб и ведомств, занимающихся борьбой с незаконной деятельностью в сети Интернет: «Европол», «Интерпол» и ряд других. В России Управление «К» Министерства внутренних дел по большому счету единственное подразделение, чьи полномочия связаны с борьбой против киберпреступности. Создание аналогичных служб и ведомств заметно сократит количество преступлений в цифровом пространстве.

В целом следует сказать, что проблемы использования цифровых денежных средств, цифровых платформ и других современных платежных инструментов, помимо положительных последствий могут принести угрозы и риски, с которыми государственной надзорные органы должны бороться и предупреждать.

Различные страны в зависимости от их технологической развитости реагируют на данное явление по-разному, многие как Россия создают собственные подконтрольные цифровые денежные знаки, другие интегрируют частные валюты в государственную экономическую структуру страны.

В любом случае необходимо в полной мере законодательно урегулировать данные новшества, определить круг полномочий субъектов, регулирующих рассмотренные процессы и назначить ответственных за реализацию и плавное внедрение современных технологий в экономику страны.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 325 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

2. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // www.consultant.ru

3. Федеральный закон «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // www.consultant.ru

4. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 4. – С. 25–37.

5. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27.

6. *Гайтова Л.Х.М., Гаглоев Т.С.* Правовые категории «денежного оборота» понятие и содержание // В сб.: Социально-экономические исследования, гумани-

тарные науки и юриспруденция: теория и практика / Материалы XV Международной научно-практической конференции. 08–20 июня 2017 г. – Новосибирск: ООО Центр развития научного сотрудничества, 2017. – С. 78–81.

7. Цифровой рубль: возможности и варианты // https://econs.online/articles/regulirovanie/tsifrovoy-rubl-vozmozhnosti-i-varianty/

Для цитирования: *Мухин А.И.* Проблемы использования электронных платежных средств в эпоху цифровизации: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 68–73.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.68

PROBLEMS OF USING ELECTRONIC MEANS PAYMENT IN THE ERA OF DIGITIZATION

Alexey I. Mukhin*

Annotation. The use of various types of money has generated a large number of discussions both in society and in scientific circles. The emergence of a new form of currency, the “digital ruble,” determines a consistent transition to a completely different form of circulation of funds. From the legislative side, the transition should be expressed by introducing changes and adopting various types of regulations, but this process requires a certain time.

The main purpose of the article is to analyze current issues of legal regulation of electronic money circulation.

The main materials are the regulations governing money circulation.

The research method is an analysis of the provisions of the current legislation, as a result of which imperfections in the legal regulation of cash, non-cash, electronic and digital money are identified.

In conclusion, it was concluded that for the effective functioning of all modern forms of money, improvement of the legislation of the Russian Federation in the field of monetary circulation is required.

Key words: money circulation, electronic means of payment, digital banknotes, regulatory framework, cash payment, non-cash payment, issuer, digitalization, Internet.

The emergence of new types of information methods and means, technological progress contributes to the growth of interest in this area. Digitalization as a phenomenon stimulates absolutely all spheres of state and public life, penetrates into it and becomes an integral part of it [4, 5]. With the growth of electronic trading services, electronic payment systems and digital funds are also developing.

Today, everyone who has access to the Internet has the opportunity to engage in trade, learn new professions and engage in entrepreneurial activity “without leaving home.” Existing methods and forms of payments are becoming obsolete and are being replaced by completely new and universal instruments, such as electronic money.

* **Mukhin Alexey Igorevich,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit of Moscow State University named M.V. Lomonosov. E-mail: mlesha333@gmail.com

The European Bank recently came out with a definition that digital currency is an obligation that is not inherently money. A number of states do not recognize digital funds, based on the fact that these funds do not have a state guarantee or security from the state.

Electronic money, due to the lack of material manifestation, represents information (about the balance) stored on a medium. With the help of this information, transactions, payments and other monetary manipulations can be made. This feature of digital money "lack of a material medium" is key in preserving and quickly moving money from one owner to another.

The existence of electronic money does not prevent the existence of cash and non-cash money, thus there are at least three or more forms of money. However, if the government or state stimulates technological progress, then digital banknotes can occupy a large part of the payment market and at some point displace the cash and non-cash money we are familiar with.

The specificity of this phenomenon lies in the fact that these funds have a number of advantages compared to other forms. High speed of payments is a fundamental factor in the development of the economy; the faster the money arrives in the account, the faster the economic development of absolutely all industries. Another advantage of these tools may be: the low cost of issuing these instruments, the absence of wear and tear, and the extreme difficulty of stealing them, since they do not have a physical storage location.

Having listed a number of signs, you should pay attention to the positive impact of using these funds. When spending digital banknotes with government supervisory authorities and users, there is always a clear and specific understanding of their history, origin, and legality. There is no need to check your counterparties for the integrity of their activities.

Along with cash and digital money supply, government supervisory authorities are faced with completely new methods of fraud, since digital money is a program, and any program is created to solve certain goals and objectives (sometimes these objectives are criminal in nature). If previously fraudulent schemes used exclusively cash money, today digital money can also be used, which opens up new horizons and opportunities for illegal acts.

Central banks of developed countries have completely different attitudes towards the emergence of new digital money flows. Many banks have initiated bans on the use of digital currency units.

Banks, as holders of a monopoly on the issue of money, refer to the fact that electronic money has a special feature, and non-state issue is prohibited, based on the federal laws of most countries.

Electronic money functionally has almost all the characteristics of a national currency. In this regard, it can be assumed that bans and restrictions on the use of "antagonist" currencies are completely justified, since the use of two or more currencies in parallel not only undermines the sovereignty of the country, but also stimulates the development of the "black" economy, which is dangerous for the financial sustainability of the country.

The United States of America did not fight Bitcoin and prohibit transactions with it on the territory of its states; its government decided to introduce

them into the existing system of the country – through acquisition. Thus, the government became the majority holder of this digital currency. Based on this, the United States has the ability to influence the supply and demand market for this currency.

According to experts, the majority of crimes in the states were committed using digital currency, and the overwhelming majority of the previous holders of this currency were criminals who, using this digital currency, were engaged in "whitening" criminal proceeds. Today, the United States has the ability to influence this currency, withdraw it from circulation and completely control it, thus we can conclude that by "absorbing" this currency they have become full-fledged rights holders. Currently, the US government is thinking about creating a fiat currency on the Bitcoin platform.

"Technology development, digitalization of business processes in a variety of sectors of the economy, reducing the share of cash in transactions and the growing demand of society for the use of advanced technologies in monetary transactions, the task of increasing the accessibility of financial services along with supporting the stability and security of payment systems – here is an incomplete list of reasons prompting central banks to intensify work on digital currencies and be ready to issue them, even if it is not yet fully known when exactly such a need will arise and what kind of technological solutions will be required to implement such a project "[7].

Article 75 of the Constitution of the Russian Federation establishes a special constitutional and legal status of the Central Bank of the Russian Federation, defines its exclusive right to issue money (Part 1) and, as its main function, protect and ensure the stability of the ruble (Part 2) [1]. The status, goals of activity, functions and powers of the Bank of Russia are also determined by Federal Law No. 86-FZ of July 10, 2002 "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)" [2] and other federal laws [3].

Because of this, the Central Bank of the Russian Federation has developed its own "digital ruble" based on various electronic funds and platforms, which is recognized and ratified by the state as another type of national currency. At the same time, this "digital ruble" currency is equated to the other two – cash and non-cash currency.

Its important difference is the issuer; unlike other types of electronic and digital money, the issuer and manager of the platform is the Central Bank of the Russian Federation. It is he who sets the rules of use, terms of use, range of users and requirements for joining. Now absolutely everyone who concludes an accession agreement will be able to freely abandon the usual non-cash payments and switch to digital payments.

This innovation gave rise to discussions and caused both positive and negative reactions. A number of opponents refer to total control over funds, which in turn will serve as a motive for the "collapse" of the country's market economy. The risk that the state will use money at its own discretion, set a minimum account balance and expiration date for digital rubles, also causes outrage among potential users of this platform.

There are also positive features of this phenomenon: all digital funds will be stored and used centrally on a digital platform, which will significantly re-

duce commissions paid for transactions to commercial banks and funds held in accounts will be protected (secured) by the state. This innovation can have a positive impact on combating corruption and money laundering, since each digital ruble has an individual tag that allows you to trace the history of any transaction.

The main difference between such funds and non-cash funds is their location and the possibility of accruing interest. The Bank of Russia strives to meet the rapidly changing needs of people and organizations, thereby introducing innovative systems and technologies even into the most fundamental sectors of life.

As everyone knows, any changes require time and a large amount of resources for full implementation. Considering the fact that the ability declared by the Central Bank to make transactions without the use of communications is, by and large, not yet feasible in the country, this innovation requires significant elaboration for high-quality implementation.

At the moment, the state is not trying to give up even cash circulation. The legislative nature of non-cash and digital monetary units has not yet been formulated. To identify the essence of these concepts, it is necessary to review the entire work of the economic and financial system, and attention should be paid to the powers of the subjects of the financial system.

Today, “gaps” in legislation and technological imperfections have created risks of committing criminal acts, including on the Internet. Many individuals daily use these “loopholes” to their advantage, while remaining unpunished. The sale of weapons, precursors, and people is inextricably linked with the use of crypto (hidden) currency, the so-called private currency (issued by non-state actors). In Russia there are a number of restrictions aimed at combating this, but, unfortunately, due to limited resources, lack of qualified personnel and sometimes even the interest of individuals, this process drags on over time, evidence disappears and the guilty parties remain at large.

There are not many services and departments around the world involved in the fight against illegal activities on the Internet: Europol, Interpol and a number of others. In Russia, Directorate “K” of the Ministry of Internal Affairs is, by and large, the only department whose powers are related to the fight against cybercrime. The creation of similar services and departments will significantly reduce the number of crimes in the digital space.

In general, it should be said that the problems of using digital money, digital platforms and other modern payment instruments, in addition to positive consequences, can bring threats and risks that state supervisory authorities must combat and prevent.

Different countries, depending on their technological development, react to this phenomenon in different ways; many, like Russia, create their own controlled digital banknotes, others integrate private currencies into the state economic structure of the country.

In any case, it is necessary to fully regulate these innovations by law, determine the terms of reference of the subjects regulating the processes under consideration and appoint those responsible for the implementation and smooth introduction of modern technologies into the country’s economy.

Bibliography

1. “The Constitution of the Russian Federation” (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house “Urayt”, 2023. 325 p. (Series: Professional Commentary).

2. Federal Law “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” dated July 10, 2002 No. 86-FZ (as amended on August 4, 2023) // www.consultant.ru

3. Federal Law “On the National Payment System” dated June 27, 2011 No. 161-FZ (as amended on July 24, 2023) // www.consultant.ru

4. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Informatization and state-organized society in the formational dimension: article // Theory of State and Law. 2019. No. 4. P. 25–37.

5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the context of the functioning of information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27.

6. Gaitova L.Kh.M., Gagloev T.S. Legal categories of “money turnover” concept and content // In: Socio-economic research, humanities and jurisprudence: theory and practice / Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. June 08–20, 2017/ Novosibirsk: LLC Center for the Development of Scientific Cooperation, 2017. P. 78–81.

7. Digital ruble: opportunities and options // https://econs.online/articles/regulirovanie/tsifrovoy-rubl-vozmozhnosti-i-varianty/

For citation: Mukhin A.I. Problems of using electronic means of payment in the era of digitalization: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 73–77.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.68

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.134
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.78

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА): ПЕРСПЕКТИВЫ И ЦИФРОВЫЕ ИННОВАЦИИ

Д.О. Юнаева*

Аннотация. В данной статье рассматривается эволюция законодательства о несостоятельности (банкротстве) с древнейших времен до современности. В качестве цели автор выбрал анализ становления, развития и совершенствования института банкротства, уделив особое внимание послереволюционным изменениям в законодательстве, и выявил современное понимание этой процедуры с учетом использования цифровых технологий. в этом. Таким образом, в ходе работы установлено эффективное влияние цифровых инноваций в процедурах банкротства. Результаты данного анализа свидетельствуют о необходимости продолжения тенденции правового развития института несостоятельности (банкротства), включая активное внедрение в эту процедуру новых цифровых технологий.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, должник, правовое регулирование, цифровые инновации, новые технологии.

Институт несостоятельности (банкротства) является очень востребованным в последние годы как в теории, так и на практике в отношении физических и юридических лиц, которые оказались в затруднительном финансовом положении.

Становление и развитие данного института имеет богатую историю. Можно выделить три этапа: первый – от древних времен до XIX века; второй – развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в XX столетии; третий – современный этап развития данного института.

Так, институт банкротства берет свое начало в римском праве. Банкротство в Римском праве – cessio bonorum – представляет собой важный этап в истории развития правовых норм, связанных с несостоятельностью.

* **Юнаева Диана Олеговна**, студентка 2 курса магистратуры кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: dmordukhaeva@gmail.com

Несмотря на то, что понимание данного института в римском праве отличается от современного понимания банкротства, оно заложило основу для многих правовых принципов, которые используются по сей день.

В римском праве впервые в исполнительное производство был введен процесс удовлетворения требований кредитора в том случае, если имущества должника недостаточно для выплаты долга. Многие отождествляют данную процедуру с нынешней процедурой конкурсного производства [9], однако в римском праве это был полностью добровольный акт, при котором должник передавал все свое имущество кредиторам в обмен на освобождение от долгов без полного уничтожения финансового статуса должника, как это было в более ранние времена, но с потерей определенных социальных и правовых привилегий, а также данная система позволяла должнику сохранить личную свободу и избежать физического наказания, когда должник мог быть продан в рабство или даже убит.

Более того, в римском праве начали различать ситуации, когда должник становился банкротом из-за нечестных действий (мошенничества) и из-за несчастных обстоятельств.

Римское право оказало значительное влияние на последующее развитие законодательства в области банкротства в Европе, особенно в период Средневековья и Ренессанса, когда были заложены основы организованной процедуры распределения активов несостоятельного должника. Многие основные принципы, такие как защита личной свободы должника и различие между разными типами банкротства, сохранили свое значение и в современных правовых системах.

В российской истории первое упоминание об институте несостоятельности (банкротства) можно встретить в Русской Правде [7]. В данном документе банкротство рассматривалось с двух сторон.

В первую очередь, существовало «виновное банкротство», в основе которого лежала вина должника.

А также «невиновное банкротство», которое произошло не по вине должника.

В первом случае на должника возлагалась личная ответственность, которая распространялась не на имущество лица, а на него самого [2]. При невозможности должника возместить свою несостоятельность в денежном эквиваленте, он мог быть продан с публичных торгов [8].

В 1649 году в России было принято Соборное уложение, которое стало основной для формирования важных правовых принципов банкротства. Особенностью данного акта было установление нового порядка конкуренции прав в связи с банкротством должника. Так, иностранные кредиторы получили преимущественное право на удовлетворение своих требований перед кредиторами из России.

В XX столетии, а именно, после Октябрьской революции 1917 г. институт банкротства продолжил активно развиваться и совершенствоваться. Однако при этом важно отметить, что несостоятельность больше понималась как некий элемент социалистической доктрины [6].

Более подробно концепцию несостоятельности раскрыл Гражданский кодекс 1922 г., в соответствии с которым были установлены механизмы и формы несостоятельности (банкротства) [5].

Кодексом была заложена основа для нового подхода к данному вопросу, отличающегося от предшествующих законодательных норм Российской империи. В той форме, в которой институт банкротства образовался в то время, он просуществовал практически неизменным в течение 70 лет [3].

Кодекс включал положения, касающиеся процедур банкротства для частных предприятий с осуществлением оценки финансового состояния предприятия и его способности удовлетворять требования кредиторов. В случае признания предприятия несостоятельным, кодексом начала предусматриваться процедура ликвидации его активов для удовлетворения требований кредиторов. В соответствии с социалистической идеологией, Гражданский кодекс уделял значительное внимание защите прав работников предприятий, проходящих через процедуру банкротстваб таким образом были включены меры по сохранению рабочих мест или обеспечению выплат, что используется по сей день.

С распадом Советского Союза, а также переходом к рыночной экономике возникла объективная необходимость введения норм о несостоятельности и банкротстве не только в сферу предпринимательства, но и в иных видах отношений. Несмотря на то, что основная идея заключалась в том, что тенденция развития института несостоятельности (банкротства) затрагивала глобальный уровень, на практике это долгое время оставалось неосуществимым.

Принятый Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [1] распространял свое действие как на юридических, так и на физических лиц. Данный правовой акт детализировал ряд положений, касающихся процедур банкротства, а также закрепил новые положения и нормы, ранее неизвестные российскому правопорядку. Однако даже они не сразу стали применяться и получили свое распространение только к 2015 году.

Так, с 1 октября 2015 г. вступили в действие нормы, регламентирующие банкротство физических лиц, также были существенно проработаны нормы, позволяющие признать несостоятельными юридических лиц.

В 2020 г. были введены нормы так называемого внесудебного банкротства, в рамках которого при соблюдении определенных требований и правил, лицо может на бесплатной основе обратиться в органы МФЦ, минуя судебные инстанции. Благодаря данной реформе процедура признания лица несостоятельным (банкротом) должна стать максимально доступной.

Таким образом, проведенное исследование становления и развития института банкротства в российском гражданском законодательстве позволяет выявить не только значимые и яркие периоды прошлого, но также и проанализировать тенденции и перспективы дальнейшего развития данного института [4].

В последнее время в арбитражных судах существенно увеличилось количество дел о признании несостоятельными как юридических, так и физических лиц. Во многом это связано с тем, что бизнес перешел в, так называемое, «цифровое пространство», однако не все и не всегда могут выдержать влияние современных технологий в том объеме, который есть сейчас, а также своевременно подстроиться под изменяющийся мир. В связи с этим,

государство в лице своих уполномоченных органов должно принимать непосредственное участие в процедурах банкротства, однако в то же время не должно полностью перевести его под свое руководство. Правовые нормы и правила проведения процедуры несостоятельности (банкротства) должны обеспечивать соблюдение баланса частных и публичных интересов.

Также в рамках исследования стоит отметить роль цифровых инноваций в процессе банкротства. Так, один из наиболее значимых аспектов процедуры банкротства – продажа активов должника для удовлетворения требований кредиторов, путем проведения торгов. В современной России торги проводятся в электронном формате путем применения цифровых технологий, что значительно повысило прозрачность и доступность данного процесса.

Также упрощению взаимодействия между участниками процедуры и ускорению банкротства поспособствовала возможность подачи и обработки документов в электронной форме, а также применение специализированных систем для отслеживания хода процедур банкротства.

Цифровые инновации в процедуре банкротства в России направлены на повышение эффективности, сокращение временных и финансовых затрат, а также на улучшение прозрачности и контроля за процессом со стороны всех участников и государства.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // www.consultant.ru

2. *Владимирский-Буданов О.И.* Обзор истории русского права. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 340 с.

3. *Гонорский А.С.* Развитие законодательства о несостоятельности (банкротстве) в России // Форум молодых ученых. – 2020. – № 7 (47). – С. 52–57.

4. Гражданско-правовые средства предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций. Монография / Комаров В.С., Комарова Т.Л. – С.-Пб.: Изд-во Юридического института (СПб), 2003. – 174 с.

5. *Жилинский С.Э.* Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности). – М.: Норма, 2007. – 943 с.

6. *Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л.* Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учеб. пособие. – М.: Юстиция, 2018. – 200 с.

7. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. –430 с.

8. *Тарасенко Ю.А.* Эволюция института фиктивного банкротства в российском дореволюционном законодательстве // Журнал российского права. – 2020. – № 2. – С. 21–28.

9. *Челахсаева С.И.* История становления и развития института несостоятельности (банкротства) в странах Европы // Современная научная мысль. – 2017. – № 6. – С. 339–347. EDN: YLCBHC

Для цитирования: *Юнаева Д.О.* История развития правового регулирования института несостоятельности (банкротства): перспективы и цифровые инновации: статья // Юридическая мысль. – 2023. – No. 4 (132). – С. 78–81.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.78

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF THE INSTITUTION OF INSOLVENCY (BANKRUPTCY): PROSPECTS AND DIGITAL INNOVATIONS

Diana O. Yunaeva*

Annotation. This article examines the evolution of insolvency (bankruptcy) legislation from ancient times to the present. As a goal, the author chose to analyze the formation, development and improvement of the institution of bankruptcy, paying special attention to the post-revolutionary changes in legislation, and revealed the modern understanding of this procedure, taking into account the use of digital technologies in it. Thus, in the course of the work, the effective influence of digital innovations in bankruptcy procedures was established. The results of this analysis indicate the need to continue the trend of legal development of the institution of insolvency (bankruptcy), including the active introduction of new digital technologies into this procedure.

Key words: bankruptcy, insolvency, debtor, legal regulation, digital innovation, new technologies.

The institution of insolvency (bankruptcy) has been in great demand in recent years, both in theory and in practice in relation to individuals and legal entities who find themselves in difficult financial situations.

The formation and development of this institute has a rich history. Three stages can be distinguished: first – from ancient times to the 19th century; second – the development of insolvency (bankruptcy) legislation in the 20th century; the third is the current stage of development of this institute.

Thus, the institution of bankruptcy originates in Roman law. Bank bankruptcy in Roman law – cessio bonorum – represents an important stage in the history of the development of legal rules related to insolvency.

Although the understanding of bankruptcy in Roman law differs from the modern understanding of bankruptcy, it laid the foundation for many legal principles that are used to this day.

In Roman law, for the first time, the process of satisfying the creditor's claims was introduced into enforcement proceedings in the event that the debtor's property is not enough to pay the debt. Many identify this procedure with the current bankruptcy procedure [9], but in Roman law it was a completely voluntary act in which the debtor transferred all his property to creditors in exchange for relief from debts without completely destroying the debtor's financial status, as was the case in earlier times, but with the loss of certain social and legal privileges, and this system also allowed the debtor to maintain personal freedom and avoid physical punishment, when the debtor could be sold into slavery or even killed.

Moreover, in Roman law they began to distinguish between situations when a debtor became bankrupt due to dishonest actions (fraud) and due to unfortunate circumstances.

* **Yunaeva Diana Olegovna,** 2nd year master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University named by M.V. Lomonosov. E-mail: dmordukhaeva@gmail.com

Roman law had a significant influence on the subsequent development of bankruptcy law in Europe, especially during the Middle Ages and the Renaissance, when the foundations were laid for an organized procedure for the distribution of the assets of an insolvent debtor. Many basic principles, such as the protection of the debtor's personal freedom and the distinction between different types of bankruptcy, have retained their importance in modern legal systems.

In Russian history, the first mention of the institution of insolvency (bankruptcy) can be found in Russian Pravda [7]. In this document, bankruptcy was considered from two sides.

First of all, there was a “guilt bankruptcy”, which was based on the debtor’s fault.

And also “innocent bankruptcy”, which occurred through no fault of the debtor.

In the first case, the debtor was assigned personal liability, which extended not to the person’s property, but to himself [2]. If the debtor is unable to compensate for his insolvency in monetary terms, he could be sold at public auction [8].

In 1649, Russia adopted the Council Code, which became the basis for the formation of important legal principles of bankruptcy. A special feature of this act was the establishment of a new procedure for the competition of rights in connection with the bankruptcy of the debtor. Thus, foreign creditors received a preferential right to satisfy their claims over creditors from Russia.

In the 20th century, namely, after the October Revolution of 1917, the institution of bankruptcy continued to actively develop and improve. However, it is important to note that failure was more understood as a certain element of the socialist doctrine [6].

The concept of insolvency was revealed in more detail by the Civil Code of 1922, in accordance with which the mechanisms and forms of insolvency (bankruptcy) were established [5].

The Code laid the foundation for a new approach to this issue, different from previous legislative norms of the Russian Empire. In the form in which the institution of bankruptcy was formed at that time, it existed practically unchanged for 70 years [3].

The Code included provisions regarding bankruptcy procedures for private enterprises, assessing the financial condition of the enterprise and its ability to satisfy the claims of creditors. If an enterprise is declared insolvent, the code begins to provide for a procedure for liquidating its assets to satisfy the claims of creditors. In accordance with socialist ideology, the Civil Code paid significant attention to protecting the rights of employees of enterprises going through bankruptcy proceedings,6 thus including measures to preserve jobs or ensure payments, which are used to this day.

With the collapse of the Soviet Union, as well as the transition to a market economy, an objective need arose to introduce rules on insolvency and bankruptcy not only in the sphere of entrepreneurship, but also in other types of relations. Despite the fact that the main idea was that the development trend of the institution of insolvency (bankruptcy) affected the global level, in practice this remained unfeasible for a long time.

The adopted Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ "On Insolvency (Bankruptcy)" [1] applied to both legal entities and individuals. This legal act detailed a number of provisions relating to bankruptcy procedures, and also established new provisions and norms previously unknown to the Russian legal order. However, even they did not immediately begin to be used and became widespread only by 2015.

Thus, on October 1, 2015, the rules regulating the bankruptcy of individuals came into force, and the rules allowing for the recognition of legal entities as insolvent were also significantly developed.

In 2020, the rules of the so-called extrajudicial bank bankruptcy were introduced, within the framework of which, subject to compliance with certain requirements and rules, a person can contact the MFC authorities free of charge, bypassing the courts. Thanks to this reform, the procedure for declaring a person insolvent (bankrupt) should become as accessible as possible.

Thus, the conducted study of the formation and development of the institution of bankruptcy in Russian civil legislation allows us to identify not only significant and bright periods of the past, but also to analyze trends and prospects for the further development of this institution [4].

Recently, the number of cases in arbitration courts on declaring both legal entities and individuals insolvent has increased significantly. This is largely due to the fact that business has moved into the so-called "digital space", however, not everyone and not always can withstand the influence of modern technologies to the extent that they are now, and also adapt in a timely manner to the changing world. In this regard, the state, represented by its authorized bodies, should take a direct part in bankruptcy procedures, but at the same time should not completely transfer it under its leadership. Legal norms and rules for conducting insolvency (bankruptcy) procedures must ensure compliance with the balance of private and public interests.

Also, within the framework of the study, it is worth noting the role of digital innovations in the bankruptcy process. Thus, one of the most significant aspects of the bankruptcy procedure is the sale of the debtor's assets to satisfy the claims of creditors, through bidding. In modern Russia, trading is conducted in electronic format through the use of digital technologies, which has significantly increased the transparency and accessibility of this process.

Also, the ability to submit and process documents in electronic form, as well as the use of specialized systems to track the progress of bankruptcy procedures, contributed to simplifying interaction between participants in the procedure and speeding up bankruptcy.

Digital innovations in the bankruptcy procedure in Russia are aimed at increasing efficiency, reducing time and financial costs, as well as improving transparency and control over the process on the part of all participants and the state.

Bibliography

1. Federal Law of October 26, 2002 No. 127-FZ (as amended on December 25, 2023) "On Insolvency (Bankruptcy)" // www.consultant.ru

2. Vladimirsky-Budanov O.I. Review of the history of Russian law. Moscow: Direct-Media, 2012. 340 p.

3. Gonorsky A.S. Development of legislation on insolvency (bankruptcy) in Russia // Forum of young scientists. 2020. No. 7 (47). Pp. 52–57.

4. Civil legal means of preventing the insolvency (bankruptcy) of credit organizations. Monograph / Komarov V.S., Komarova T.L. St. Petersburg: Publishing House of the Legal Institute (SPb), 2003. 174 p.

5. Zhilinsky S.E. Business law (legal basis for business activities). Moscow: Norma, 2007. 943 p.

6. Ivanova S.P., Zemlyakov D.N., Barannikov A.L. Insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals: textbook. allowance. Moscow: Justice, 2018. 200 p.

7. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes. T. 1: Legislation of Ancient Rus' / edited by. ed. O.I. Chistyakova. Moscow: Legal literature, 1984. 430 p.

8. Tarasenko Yu.A. The evolution of the institution of fictitious bankruptcy in Russian pre-revolutionary legislation // Journal of Russian Law. 2020. No. 2. P. 21–28

9. Chelakhsaeva S.I. History of the formation and development of the institution of insolvency (bankruptcy) in European countries // Modern scientific thought. 2017. No. 6. Pp. 339–347. EDN: YLCBHC

For citation: Yunaeva D.O. History of the development of legal regulation of the institution of insolvency (bankruptcy): prospects and digital innovations: article //Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 82–85.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.78

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0; 342.9; 343.7
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.86

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ И МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ ТРЕХ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

М.Ф. Гареев*

Аннотация. В данной статье освящается период, относящихся к трем русским революциям. Проводится непосредственная связь между ухудшением социально-экономического положения страны и ростом преступности. Обращается особое внимание на связь между ростом преступности и обнищанием населения. Крайне высокий уровень преступности наблюдается при возникновении голода и при других крайне отрицательных социальных явлениях. Одним из факторов, способствующих ухудшению социального положения населения и увеличению преступности, является спекуляция. Все это приводит к возрастанию агрессии среди населения. Отсутствие законодательно установленных мер уголовно-правового воздействия с повышенным карательным потенциалом, направленное на решение социальных проблем, привело к краху политического режима царской власти.

Ключевые слова: социально-экономическое положение; обнищание населения; преступность; революция; меры уголовно-правового воздействия; должностные преступления; спекуляция; агрессия; население; имущественные преступления; голод; предупреждение преступлений; политический режим; царизм; крах.

При рассмотрении причин и условий роста преступности в царской России особое внимание заслуживает исторический период, начиная с конца XIX в. до октября 1917 г., который ознаменовался непрекращающимся ростом преступности. Наглядным тому свидетельством являются статистические данные: в 1899 г. было всего совершено 266 710 преступлений; в 1900 г. – 271 642; в 1901 г. – 296 197; в 1902 г. – 302 667 [16].

О трехкратном увеличении преступлений против жизни свидетельствовали следующие данные: в 1900 г. их количество составило 4 142, а в 1913 г. – 12 301. Наблюдалось увеличение других преступлений, представляющих повышенную общественную опасность: изнасилований в 1900 г. было совершено 297, а 1913 г. – 1088; разбоев и грабежей в 1900 г. – 297,

* **Гареев Марат Фаизович,** доцент кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт – Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

а в 1913 г. – 1088. Наблюдается более чем двухкратное увеличение квалифицирован-ных краж: в 1900 г. – 12 600, а в 1913 г. их было совершено 26 221 [13, с. 156].

Значительное увеличение уровня преступности указывало не только на неспособность царских властей вести деятельность, направленную на предупреждение преступной деятельности, но и на решение социально-экономических проблем. Об этом свидетельствуют статистические данные, указывающие о росте накануне первой русской революции 1905 – 1907 гг. преступлений против порядка управления: если в 1899 г. их было совершено в количестве 8 048, то в 1902 г. – 9 399. Наблюдалось заметное увеличение преступлений против жизни: в 1899 г. было совершено 16 293 преступлений; в 1900 г. – 16 425, в 1901 г. – 17 431 [13, с. 156].

Приведенные в данном исследовании статистические данные за период, начиная с конца XIX в. и вплоть до октября 1917 г. в определенной степени отражают объективную картину с преступностью в дореволюционной России, поскольку подготовлены руководителем статистического отделения Министерства юстиции Тарновским Е.Н. на основании сведений об уголовных делах и осужденных в общих и мировых судах. В своих выводах Тарновский Е.Н. пришел к настораживающему выводу, что уровень преступности еще в 1874 – 1894 гг. превышал прирост населения [15, с. 128–129].

Основными причинами роста преступности в рассматриваемый исторический период явились следующие факторы: низкий уровень жизни основной части населения, усугубляемый произволом чиновников и капиталистов, владельцев заводов и фабрик.

О низком уровне жизни в царской России в начале XX в. высказывались многие авторы. По подсчетам Рубакина Н.А. в Европейской России даже в самой развитой части Российской империи годовой доход на душу населения в 1900 г. составлял 63 рубля, в то время как в США – 346, в Англии – 273, во Франции – 233, в Германии – 184, в Австрии – 127, в Италии – 104, Балканских государствах – 101 рубль**.** На проведенных исследованиях Н.А. Рубакин приходит к следующим выводам: Европейская Россия, «сравнительно с другими странами – страна полунищая. Если 63 р. представляют сумму, приходящуюся круглым счетом на одного жителя, это значит, что у многих миллионов русских людей не выходит в год и этой суммы» [11, с. 62].

Низкий уровень жизни населения даже стал предметом обсуждения царского правительства. Так, на совещании, состоявшемся 17 марта 1899 г., проходившем под председательством царя Николая II, председатель Кабинета министров Витте С.Ю. высказал собственные опасения: «Если сравнивать потребление у нас и в Европе, то средний размер его на душу составит в России четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для обычного существования». Отмечая рост промышленности России, которая «увеличилась в последние 30 лет в 7 раз», он подчеркивал, что «рост потребностей страны далеко опережает успехи ее промышленного развития» [4, с. 200].

Даже царь Николай II во время поездки по России по случаю 300-летия пребывания на престоле династии Романовых, признавал нищенское поло-

жение своих подданных. Он видел «печальную картину народной немощи, семейной нищеты и заброшенности хозяйств» [1, с. 282–283].

О низком уровне заработной платы рабочих и низком потреблении продуктов питания жителями царской России по сравнению с передовыми западными государствами того времени указывают отдельные исследования [5, с. 380, 392, 393, 404–405].

Низкими темпами тогда шло развитие здравоохранения. Так, за 1880–1913 гг. этот показатель в России увеличился с 1,6 до 1,8, в Германии – с 3, 6 до 5,2, во Франции – с 3,8 до 5,8. По Австрии и Великобритании данные указываются лишь по 1880 г. – соответственно 2,8 и 5,8 [5, с. 396].

Отсутствие полноценного питания, низкий уровень здравоохранения, эксплуатация рабочих и трудового крестьянства привели к высокому уровню смертности: средняя продолжительность жизни мужчин и женщин составляла в России в 1880-е годы соответственно 29 и 31 год, в 1900-е – 32,4 и 34,5. В ведущих западных государствах продолжительность жизни была гораздо выше, чем в России: в Великобритании – 43,7–47,2 и 51,5 и 55,4; в США – 42,5–44,5 и 48,7 и 52,4 [5, с. 384].

Предоставленная информация о благополучной жизни в царской России, содержащаяся в отдельных публикациях, в основном отражает уровень жизни господствующего класса и не имеет никакого отношения к основной массе населения [17].

Крайне низкий уровень жизни значительной части населения Российской империи приводил к преступным деяниям, направленным на истребление имущества, вызванным агрессией из-за нищенского существования. В 1899 г. таких преступлений было совершено 14 978, а в 1901 г. – уже 17 402. Наблюдается устойчивая динамика роста преступлений, связанных с насильственным похищением имущества: в 1899 г. их было совершено всего 20 322, а в 1902 г. – 23 421. Аналогичная ситуация с увеличением числа краж: в 1899 г. – 63 328; в 1902 г. – 81 791 [16, с. 60].

Приведенная статистика не отражает полную картину преступности, а характеризует структуру наиболее тяжких преступлений, рассмотренных окружными судами, причем в статическую отчетность не вошли преступления, не представляющие значительной социальной опасности.

Отсутствие целенаправленной социально-экономической политики царского режима, нежелание принимать меры оперативного характера, направленные на предотвращение и устранение негативных социальных явлений, нашли отражение в сведениях, указывающих об увеличении преступлений, направленных против государственной власти за относительно короткий промежуток, получившие наименование в статистических отчетах как преступление против порядка управления: в 1899 г. их было совершено всего 8 048, то в 1902 г. таких преступлений уже насчитывалось 9 399 [16, с. 60].

Существующее положение крайне низкого уровня жизни населения в России и его жесткая эксплуатация явились одной из главных причин, породивших первую русскую революцию 1905–1907 гг., которая, безусловно, приводит к значительному росту преступных явлений.

Об этом говорят данные, указывающие о всплеске за короткий промежуток времени преступлений против собственности, основным мотивом ко-

торых выступала не корысть, а агрессия. Так, за 1901 – 1908 гг. в общей массе преступности количество таких преступлений выросло на 60 % [8, с. 66].

Отражением агрессии у населения явилось увеличение поджогов (истребление имущества), которое достигло максимума после 1905 г.: «Поджоги в большинстве своем преступления, совершаемые тайно из мести, преимущественно в среде сельского населения, лицами неимущими или малоимущими против имущих. Поэтому-то поджоги в 1907 г. явились как бы заменой аграрных преступлений и грабежей, т.е. нападений открытой силой на чужую собственность, нападений, уже отбитых и подавленных в 1907 г.» [16, с. 73].

В последующие годы также наблюдается дальнейшая тенденция к неуклонному росту имущественных преступлений: если в 1909 г. произошло в целом по стране 125 201 преступлений, связанных с тайным хищением имущества, то в 1913 г. их было совершено уже 167 755. О резком увеличении насильственного похищения имущества за короткий промежуток времени накануне Первой мировой войны указывает официальная статистика того времени: в 1909 г. таких преступлений было совершено в количестве 41 895, то в 1913 г. – 43 323. При этом агрессивные настроения только увеличиваются, что в свою очередь отразилось на неуклонном росте преступлений против жизни: в 1909 г. их было совершено 30 942; то в 1913 г. – 34 438 (почти на 12%). Количество осужденных за убийство за указанный период возросло с 6 777 человек в 1910 г. до 8 134 человек в 1912 г., то есть рост осужденных за совершение преступлений против жизни за столь короткий срок составил 20% [14, с. 8].

Положение с преступностью усугублялось из-за регулярного возрастания служебных преступлений: 1909 г. – 13 461; 1910 г. – 14 033; 1912 г. – 14 911. Аналогичный рост наблюдается в отношении преступлений, связанных с присвоением и растратой: 1909 г. – 4 769; 1913 г. – 5 917 [14, с. 8].

Вполне предсказуемым явился рост преступлений против порядка и управления перед Первой мировой войной: 1909 г. – 8 291; 1913 г. – 9 541 [14, с. 8], выразившиеся в основном в проведении стачек рабочими заводов и фабрик [8, с. 70].

Заслуживающим внимания является тот факт, что показатели в отношении преступлений, посягающих на государственную власть, совершенные перед Первой мировой войной превысили аналогичные показатели, которые имели место быть до революции 1905–1907 гг. Вышеуказанные обстоятельства являются ярким свидетельством усугубления кризисных явлений в российском государстве и обществе.

Значительному усугублению социально-экономического кризиса в царской России способствовали не только злоупотребления царских чиновников, но и лиц, осуществляющих управление промышленностью и другими сферами экономической жизни, отраженные в статистической отчетности как «нарушения правил благоустройства»: 1909 г. – 2 283; 1913 г. – 3 461. Рост на 25% наблюдается и в преступных деяниях, связанных с подлогом в актах и обязательствах: 1910 г. – 7 017; 1913 г. – 8 158 [13].

Усугубляющаяся социально-экономическая ситуация и обострение преступности привели к деформации морально-нравственных устоев в царской

России. Это привело к увеличению почти на треть «преступлений против женской чести» с 12 622 до 16 195. Среди них выделяются преступления «против союза родственного и брачного», куда, в частности, включались «прелюбодеяние и кровосмешение» – с 3 477 до 5 365 (увеличение почти на 60%) и «преступления против нравственности» (педерастия, скотоложество и пр.) – с 1 107 до 1 279 (на 16%) [8, с. 71].

Определенная положительная динамика в части улучшения криминогенной ситуации в царской России наметилась в первые годы Первой мировой войны. Основными причинами снижения уровня преступности по точному замечанию Е.Н. Тарновского явилось мобилизация мужской части населения и введение «сухого закона», установившего запрет на оборот алкогольной продукции [12, с. 104].

Однако затянувшая Первая мировая война впоследствии только усугубила ситуацию с преступностью, которая даже по сравнению с предвоенным периодом имела тенденцию к значительному увеличению, а позже привела еще более к многократному ее росту, не поддающееся контролю со стороны властей, хотя определённая ответственность торговцев и промышленников за повышение или понижение цен на продукты продовольствия имела место быть [7]. В своем исследовании Е.Н. Тарновский рост преступности назвал даже колоссальным, указав, что в 1915 г. она «вернулась к высоте 1913 г., а в 1916 г. внезапно поднялась до максимума, на 53% выше начального года» [12, с. 106].

При этом отсутствуют всякие основания не доверять выводам Е.Н. Тарновского, поскольку они основаны на официальных статистических данных о состоянии преступности в России. Тем более, Е.Н. Тарновский заведовал статистическим отделением Министерства юстиции царского правительства, а после революционных событий октября 1917 г. занимался этой же деятельностью в Народном комиссариате юстиции РСФСР [18, с. 245–246].

Одной из причин роста преступности явилась все усугубляющаяся социально-экономический кризис в стране, который особенно болезненно проявился в Петрограде еще во второй половине 1916 г., когда реально возникла угроза голода из-за спекулятивной деятельности [3, с. 138–139].

В целом по стране запредельный рост цен на продукты первой необходимости наиболее ярко проявился в феврале 1917 г.: на ржаную и пшеничную муку они увеличились соответственно на 243 и 269%, гречневую крупу – на 320%, соль – 500%, масло – 845%, мясо – на 230%, сахарный песок – на 457%, обувь и одежду на 400–500% [2, с. 11]

После революционных событий февраля 1917 г. в России назрела катастрофическая ситуация из-за распространения голода на центральные губернии [6, с. 19].

Положение усугублялось бездействием властей по пресечению спекулятивной деятельности, а введенная царским правительством уголовная ответственность за спекуляцию в виде штрафных санкций не способствовала улучшению социально-экономического положения, не говоря о криминогенной обстановке [6, с. 2]. Штрафные санкции с лихвой компенсировались за счет повышения цен на продукты питания и предметы первой необходимости, пользовавшиеся повседневным спросом у населения.

В свою очередь спекулятивная деятельность вызвала небывалый рост имущественных преступлений, проявившихся особенно в ходе разгара Первой мировой войны и не поддававшихся никому учету и контролю. Криминальная ситуация в Петрограде настолько ухудшилась после февральской революции 1917 г., что имущественные преступления сопровождались применением насилия и чаще всего с помощью огнестрельного оружия, произошел резкий скачок преступлений, посягающих на жизнь человека [9].

Вышедшая из-под контроля ситуация с преступностью, в значительной степени вызванная неспособностью милиции Временного правительства и других органов государственной власти обеспечить элементарный правопорядок, привели к необходимости раздачи оружия жителям Петрограда для организации обороны жилищ, медицинских и иных учреждений от бандитских налетов. О катастрофических масштабах преступности наглядно свидетельствуют факты выдачи населению оружия в столице российской империи [10].

Продолжающийся разгул преступности после февральских событий 1917 г. и неспособность новых властей с нею бороться, отсутствие надлежащих и своевременных мер уголовно-правового воздействия, направленных на пресечение спекулятивной деятельности в виде принудительного изъятия имущества привели страну на грань катастрофы и окончательному разрушению остатков политического режима в России, господствующего в течение нескольких столетий.

Библиографический список

1. *Джунковский Д.Ф.* Воспоминания: в 2 т. – М., 1997. – Т. 2. – С. 282–283. – 688 с.

2. Красный архив. – 1926. – Т. 4 (17).

3. *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. – М.: Мысль, 1990. – 222 с.

4. Материалы по истории СССР. – М., 1959. – Т. VI. – С. 800.

5. *Миронов Б.Н.* Социальная история России. – Т. 2. – СПб., 1999. – 566 с.

6. На голодномъ положеніи. //Продовольствие и снабжение. Популярный журналъ. № 4. От 1 сентября 1917 г. – изд. Министерства продовольствія п.г.т. – С. 19; Съ мъстъ. Голодъ. //Продовольствие и снабжение. № 8 от 1 ноября 1917 г. – Изд. Министерства продовольствія. П.г.т. – С. 19.

7. Опубликовано Высочайшее утвержденное положение Совета министров об установлении в порядке 87 ст. Основ Законодательства уголовной ответственности торговцев и промышленников за возвышение или понижение цен на продукты продовольствия или необходимой потребности //Финансовая газета, 1916, 2 (15) декабря.

8. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. – М.: МГУ, 1980. – 204 с.

9. Петроградский листок, 1917, 19 октября.

10. Первый Городской район, гражданское отделение. Дело № 4. Расписка Домовыя уполномочен на получение оружия для охраны дома. Фонд 54 опись № 1. Ед. хр. № 4. ЦГИА Фонд № Р-54, опись № 1. Дело № 5.

11. *Рубакин Н.А.* РОССІЯ ВЪ ЦИФРАХЪ. Страна. Народъ. Сословія. Классы. Опыт статистической характеристики сословно-классоваго состава населения русскаго государства. – Издательство «Въестника Знанія (В.В. Битнера). Санкт-Петербург, 1912. – 216 с.

12. Сборникъ статей по пролетарской революціи и праву. //Изданіе народнаго комиссаріата юстиціи. Годъ изданія первый. 1918. Январь – апрѣль. № 1-4. – Петроградъ: 2-я государственная типографія. Галерная, 1. – 1918.

13. Свод статистических сведений по уголовным делам за 1913 г. – Пг. Издательство Министерства юстиции, 1916. – С. 156.

14. Свод статистических сведений по делам уголовным за 1912 г. – СПб., 1915. – 56 с.

15. *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Европейской части России за 1874–1894 гг. //Журнал Министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 128–129.

16. *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899 – 1908 гг. //Журнал министерства юстиции. – 1909. – № 9. – С. 52–99.

17. Уровень жизни в Российской империи в начале 20 века или хорошо ли жилось народу в Царской России (30 фото). [Электронный ресурс] //Режим доступа: https://trinixy.ru/121822. – (дата обращения – 30 августа 2022 г.).

18. Уголовное, уголовно-исполнительное право и криминология. Персоналии. Библиографический справочник /Сост. Э.В. Георгиевский. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2002. – 346 с.

Для цитирования: *Гареев М.Ф.* Социально-экономическое положение, преступность и меры уголовно-правового воздействия в эпоху трех русских революций: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 86–92.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.86

SOCIO-ECONOMIC SITUATION, CRIME AND MEASURES OF CRIMINAL LAW IN THE ERA OF THREE RUSSIAN REVOLUTIONS

Marat F. Gareev*

Annotation. This article covers the period relating to the three Russian revolutions. A direct connection is drawn between the deterioration of the country's socio-economic situation and the increase in crime. Particular attention is paid to the connection between the increase in crime and the impoverishment of the population. An extremely high level of crime is observed when famine occurs and other extremely negative social phenomena. One of the factors contributing to the deterioration of the social situation of the population and the increase in crime is speculation. All this leads to an increase in aggression among the population. The absence of legally established criminal law measures with increased punitive potential aimed at solving social problems led to the collapse of the political regime of the tsarist government.

Key words: socio-economic status; impoverishment of the population; crime; revolution; measures of criminal law; malfeasance; speculation; aggression; population; property crimes; hunger; crime prevention; political regime; tsarism; collapse.

When considering the causes and conditions for the growth of crime in Tsarist Russia, the historical period, starting from the end of the 19th century, deserves special attention. until October 1917, which was marked by a continuous increase in crime. A clear indication of this is the statistical data: in 1899, a total of

* **Gareev Marat Faizovich,** Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Private Educational Institution of Higher Education “Institute of Law” (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: gareeff.marat2013@yandex.ru

266,710 crimes were committed; in 1900 – 271,642; in 1901 – 296,197; in 1902 – 302,667 [16].

The following data testified to a threefold increase in crimes against life: in 1900 their number was 4,142, and in 1913 – 12,301. There was an increase in other crimes that pose an increased public danger: rapes were committed in 1900 297, and 1913 – 1088; robberies and robberies in 1900 – 297, and in 1913 – 1088. There is a more than twofold increase in qualified thefts: in 1900 – 12,600, and in 1913 there were 26,221 [13, p. 156].

A significant increase in the crime rate indicated not only the inability of the tsarist authorities to carry out activities aimed at preventing criminal activity, but also to solve socio-economic problems. This is evidenced by statistical data indicating growth on the eve of the first Russian revolution of 1905 – 1907. crimes against the order of government: if in 1899 there were 8,048 of them, then in 1902 – 9,399. There was a noticeable increase in crimes against life: in 1899, 16,293 crimes were committed; in 1900 – 16,425, in 1901 – 17,431 [13, p. 156].

The statistical data presented in this study for the period starting from the end of the 19th century. and up to October 1917, to a certain extent reflect the objective picture of crime in pre-revolutionary Russia, since they were prepared by the head of the statistical department of the Ministry of Justice E.N. Tarnovsky. based on information about criminal cases and convictions in general and magistrate courts. In his conclusions, Tarnovsky E.N. came to the alarming conclusion that the crime level back in 1874 – 1894. exceeded population growth [15, p. 128–129].

The main reasons for the increase in crime in the historical period under review were the following factors: the low standard of living of the main part of the population, aggravated by the arbitrariness of officials and capitalists, owners of plants and factories.

About the low standard of living in Tsarist Russia at the beginning of the twentieth century. Many authors spoke out. According to the calculations of Rubakin N.A. in European Russia, even in the most developed part of the Russian Empire, the annual per capita income in 1900 was 63 rubles, while in the USA – 346, in England – 273, in France – 233, in Germany – 184, in Austria – 127, Italy – 104, Balkan states – 101 rubles. Based on the research conducted by N.A. Rubakin comes to the following conclusions: European Russia, “compared to other countries, is a semi-poor country. If 63 rub. represent the total amount per capita, which means that many millions of Russian people do not have even this amount per year” [11, p. 62].

The low standard of living of the population even became a subject of discussion for the tsarist government. Thus, at a meeting held on March 17, 1899, chaired by Tsar Nicholas II, Chairman of the Cabinet of Ministers Witte S.Yu. expressed his own concerns: “If we compare consumption here and in Europe, then its average per capita in Russia will be a fourth or fifth of what in other countries is considered necessary for ordinary existence”. Noting the growth of Russian industry, which “has increased 7 times in the last 30 years,” he emphasized that “the growth of the country’s needs far outstrips the success of its industrial development” [4, p. 200].

Even Tsar Nicholas II, during a trip to Russia on the occasion of the 300th anniversary of the Romanov dynasty on the throne, recognized the miserable position of his subjects. He saw “a sad picture of the people’s weakness, family poverty and abandoned farms” [1, p. 282–283].

Separate studies indicate the low level of workers' wages and low food consumption by residents of Tsarist Russia in comparison with advanced Western states of that time [5, p. 380, 392, 393, 404–405].

The development of health care at that time was slow. So, for 1880–1913. this indicator in Russia increased from 1.6 to 1.8, in Germany – from 3.6 to 5.2, in France – from 3.8 to 5.8. For Austria and Great Britain, data are indicated only for 1880 – 2.8 and 5.8, respectively [5, p. 396].

Lack of adequate nutrition, low level of healthcare, exploitation of workers and the working peasantry led to a high mortality rate: the average life expectancy of men and women in Russia in the 1880s was 29 and 31 years, respectively, in the 1900s – 32, 4 and 34.5. In leading Western countries, life expectancy was much higher than in Russia: in Great Britain – 43.7–47.2 and 51.5 and 55.4; in the USA – 42.5–44.5 and 48.7 and 52.4 [5, p. 384].

The information provided about prosperous life in Tsarist Russia, contained in individual publications, mainly reflects the standard of living of the ruling class and has nothing to do with the bulk of the population [17].

The extremely low standard of living of a significant part of the population of the Russian Empire led to criminal acts aimed at the destruction of property, caused by aggression due to a miserable existence. In 1899, 14,978 such crimes were committed, and in 1901 – already 17,402. There is a steady growth in crimes related to the forcible theft of property: in 1899, only 20,322 of them were committed, and in 1902 – 23,421. A similar situation with an increase in the number of thefts: in 1899 – 63,328; in 1902 – 81,791 [16, p. 60].

The statistics presented do not reflect the full picture of crime, but characterize the structure of the most serious crimes considered by district courts, and the static reporting does not include crimes that do not pose a significant social danger.

The lack of a targeted socio-economic policy of the tsarist regime, the reluctance to take operational measures aimed at preventing and eliminating negative social phenomena, were reflected in information indicating an increase in crimes directed against state power over a relatively short period, which were called statistical reports as a crime against the order of government: in 1899 only 8,048 of them were committed, then in 1902 there were already 9,399 such crimes [16, p. 60].

The current situation of the extremely low standard of living of the population in Russia and its harsh exploitation were one of the main reasons that gave birth to the first Russian revolution of 1905–1907, which, of course, leads to a significant increase in criminal phenomena.

This is evidenced by data indicating a surge in a short period of time in crimes against property, the main motive of which was not self-interest, but aggression. So, for 1901 – 1908. in the total amount of crime, the number of such crimes increased by 60% [8, p. 66].

A reflection of aggression among the population was an increase in arson (destruction of property), which reached its maximum after 1905: “Arson is mostly a crime committed secretly out of revenge, mainly among the rural population, by the poor or the poor against the haves. That is why arson in 1907 was, as it were, a substitute for agrarian crimes and robberies, i.e. attacks by open force on the property of others, attacks already repulsed and suppressed in 1907” [16, p. 73].

In subsequent years, there is also a further trend towards a steady increase in property crimes: if in 1909 there were 125,201 crimes related to the secret theft

of property in the country as a whole, then in 1913 there were already 167,755 of them committed. About a sharp increase violent theft of property in a short period of time on the eve of the First World War is indicated by official statistics of that time: in 1909 such crimes were committed in the amount of 41,895, then in 1913 – 43,323. At the same time, aggressive sentiments are only increasing, which in in turn, was reflected in the steady increase in crimes against life: in 1909, 30,942 of them were committed; then in 1913 – 34,438 (almost 12%). The number of people convicted of murder during this period increased from 6,777 people in 1910 to 8,134 people in 1912, that is, the increase in those convicted of crimes against life in such a short period was 20% [14, p. 8].

The crime situation was aggravated due to the regular increase in white-collar crimes: 1909 – 13,461; 1910 – 14,033; 1912 – 14,911. A similar increase is observed in crimes related to embezzlement and embezzlement: 1909 – 4,769; 1913 – 5,917 [14, p. 8].

The increase in crimes against order and administration before the First World War was quite predictable: 1909 – 8,291; 1913 – 9,541 [14, p. 8], expressed mainly in strikes by workers of factories [8, p. 70].

Noteworthy is the fact that the indicators in relation to crimes encroaching on state power committed before the First World War exceeded similar indicators that took place before the revolution of 1905–1907. The above circumstances are clear evidence of the worsening crisis phenomena in the Russian state and society.

A significant aggravation of the socio-economic crisis in tsarist Russia was facilitated not only by the abuses of tsarist officials, but also by those managing industry and other areas of economic life, reflected in statistical reporting as “violations of the rules of improvement”: 1909 – 2,283; 1913 – 3,461. An increase of 25% is also observed in criminal acts related to forgery in acts and obligations: 1910 – 7,017; 1913 – 8,158 [13].

The worsening socio-economic situation and the exacerbation of crime led to a deformation of moral principles in Tsarist Russia. This led to an increase of almost a third in “crimes against female honor” from 12,622 to 16,195. Among them, crimes “against the union of kin and marriage” stand out, which, in particular, included “adultery and incest” – from 3,477 to 5,365 (an increase of almost 60%) and “crimes against morality” (pederasty, bestiality, etc.) – from 1,107 to 1,279 (by 16%) [8, p. 71].

A certain positive trend in terms of improving the crime situation in Tsarist Russia emerged in the first years of the First World War. The main reasons for the decrease in the crime rate, according to the precise remark of E.N. Tarnovsky was the mobilization of the male part of the population and the introduction of the “prohibition law”, which established a ban on the circulation of alcoholic products [12, p. 104].

However, the protracted First World War subsequently only worsened the situation with crime, which even compared to the pre-war period tended to increase significantly, and later led to an even greater increase, beyond the control of the authorities, although a certain responsibility of traders and industrialists for raising or lowering food prices took place [7]. In his study, E.N. Tarnovsky even called the increase in crime colossal, pointing out that in 1915 it

“returned to the height of 1913, and in 1916 it suddenly rose to a maximum, 53% higher than the initial year” [12, p. 106].

At the same time, there is no reason not to trust the conclusions of E.N. Tarnovsky, since they are based on official statistical data on the state of crime in Russia. Moreover, E.N. Tarnovsky headed the statistical department of the Ministry of Justice of the tsarist government, and after the revolutionary events of October 1917, he was engaged in the same activities in the People's Commissariat of Justice of the RSFSR [18, p. 245–246].

One of the reasons for the increase in crime was the ever worsening socio-economic crisis in the country, which manifested itself especially painfully in Petrograd in the second half of 1916, when there was a real threat of famine due to speculative activity [3, p. 138–139].

In the country as a whole, the prohibitive increase in prices for essential products was most clearly manifested in February 1917: for rye and wheat flour they increased by 243 and 269%, respectively, buckwheat – by 320%, salt – 500%, butter – 845%, meat – 230%, granulated sugar – 457%, shoes and clothes – 400–500% [2, p. 11].

After the revolutionary events of February 1917, a catastrophic situation arose in Russia due to the spread of famine to the central provinces [6, p. 19].

The situation was aggravated by the inaction of the authorities to suppress speculative activity, and the criminal liability for speculation in the form of penalties introduced by the tsarist government did not contribute to the improvement of the socio-economic situation, not to mention the crime situation [6, p. 2]. The penalties were more than compensated for by higher prices for food and basic necessities, which were in daily demand among the population.

In turn, speculative activity caused an unprecedented increase in property crimes, which appeared especially during the height of the First World War and could not be accounted for or controlled by anyone. The criminal situation in Petrograd deteriorated so much after the February Revolution of 1917 that property crimes were accompanied by the use of violence, most often with the help of firearms, and there was a sharp increase in crimes encroaching on human life [9].

The out-of-control crime situation, largely caused by the inability of the police of the Provisional Government and other government bodies to ensure basic law and order, led to the need to distribute weapons to residents of Petrograd to organize the defense of homes, medical and other institutions from gangsters raids. The catastrophic scale of crime is clearly evidenced by the facts of the issuance of weapons to the population in the capital of the Russian Empire [10].

The continuing rampant crime after the February events of 1917 and the inability of the new authorities to fight it, the lack of appropriate and timely measures of criminal law aimed at suppressing speculative activities in the form of forced seizure of property led the country to the brink of disaster and the final destruction of the remains political regime in Russia, dominant for several centuries.

Bibliography

1. Dzhunkovsky D.F. Memoirs: in 2 volumes. Moscow, 1997. Vol. 2. 688 p.
2. Red archive. 1926. T. 4 (17).

3. Leiberov I.P., Rudachenko S.D. Revolution and bread. Moscow: Mysl, 1990. 222 p.

4. Materials on the history of the USSR. Moscow, 1959. T. VI. S. 800.

5. Mironov B.N. Social history of Russia. T. 2. St. Petersburg, 1999. 566 p.

6. In a hungry state. //Food and supply. Popular magazine. No. 4. From September 1, 1917, ed. Ministry of Food Urban Settlement P. 19; I'm sorry. Hunger. // Food and supply. No. 8 of November 1, 1917. Ed. Ministry of Food. P.g.t. P. 19.

7. The highest approved regulation of the Council of Ministers on the establishment in accordance with Article 87 has been published. Fundamentals of the Legislation of criminal liability of traders and industrialists for raising or lowering prices for food products or necessary needs // Financial newspaper, 1916, December 2 (15).

8. Ostroumov S.S. Crime and its causes in pre-revolutionary Russia. Moscow: MSU, 1980. 204 p.

9. Petrograd leaflet, 1917, October 19.

10. First City District, civil department. Case No. 4. Receipt The brownie is authorized to receive weapons to protect the house. Fund 54 inventory No. 1. Unit. hr. No. 4. Central State Historical Archive Fund No. R-54, inventory No. 1. Case No. 5.

11. Rubakin N.A. RUSSIA IN FIGURES. A country. People. Estates. Class. Experience in statistical characterization of the estate and class composition of the population of the Russian state. Publishing house of the Journal of Knowledge (V.V. Bitner). St. Petersburg, 1912. 216 p.

12. Collection of articles on the proletarian revolution and law. //Publication of the People's Commissariat of Justice. First year of publication. 1918. January – April. No. 1-4. Petrograd: 2nd State Printing House. Galernaya, 1. 1918.

13. Code of statistical information on criminal cases for 1913. Petrograd: Publishing House of the Ministry of Justice, 1916. P. 156.

14. Code of statistical information on criminal cases for 1912. St. Petersburg, 1915. 56 p.

15. Tarnovsky E.N. The movement of crime in the European part of Russia for 1874–1894. //Journal of the Ministry of Justice. 1899. No. 3. P. 128–129.

16. Tarnovsky E.N. The movement of crime in the Russian Empire for 1899 – 1908. //Journal of the Ministry of Justice. 1909. No. 9. P. 52–99.

17. The standard of living in the Russian Empire at the beginning of the 20th century or whether people lived well in Tsarist Russia (30 photos). [Electronic resource] //Access mode: https://trinixy.ru/121822. (accessed August 30, 2022).

18. Criminal, penal law and criminology. Persona. Bibliographic reference book / Comp. E.V. Georgievsky. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2002. 346 p.

For citation: Gareev M.F. Socio-economic situation, crime and measures of criminal law in the era of three Russian revolutions: article // Legal Thought. – 2023. – No. 4 (132). – S. 92–97.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.86

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 330.1
ББК 67.0
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.98

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРАВОВЫЕ РИСКИ

С.С. Харазия*

Аннотация. Целью данной статьи является всесторонний анализ теоретических основ, перспектив развития и потенциальных правовых рисков, связанных с использованием искусственного интеллекта в правоприменительной сфере**.** В эпоху цифровизации и технологических инноваций искусственный интеллект становится неотъемлемой частью многих аспектов нашей жизни, когда он от повседневного использования в смартфонах до комплексных систем в промышленности и науке, преображает традиционные подходы и создает новые возможности. Среди различных сфер, где искусственный интеллект начинает играть ключевую роль, особенно выделяется правоприменительная деятельность. Это исследование посвящено анализу теоретических основ, перспектив и правовых рисков его использования в этой области.

Ключевые слова: киберпреступность; искусственный интеллект; судебная практика; судопроизводство, цифровизация, информационная цивилизация, этика, правоприменение, органы внутренних дел.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это область компьютерных наук, занимающихся созданием машин, способных имитировать и расширять человеческие когнитивные функции, что свидетельствует о своеобразной «цифровой зрелости» науки, вхождению в новую цифровую реальность, в кибернетическую (информационную) цивилизацию [4, 7, 10]. Основными характеристиками ИИ являются способность к обучению, адаптации, самоусовершенствованию и принятию решений на основе анализа данных. Различают две основные категории ИИ: слабый (или узкоспециализированный), задача которого заключается в выполнении конкретных функций, и сильный ИИ, способный к комплексному пониманию и решению задач на уровне человеческого интеллекта.

История ИИ уходит корнями в середину XX века, когда первые компьютерные программы способны были имитировать базовые аспекты человеческого мышления. В контексте права первые попытки использования ИИ связаны с автоматизацией процессов анализа юридических документов

* **Харазия София Саидовна,** студентка 2 курса магистратуры Высшей школы государственного аудита (факультет) Московского государственного Университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: harazzzia@mail.ru

и поддержки принятия решений. С тех пор технологии ИИ претерпели значительное развитие, что позволило расширить их применение в юридической сфере.

Искусственный интеллект, обладая способностью к обучению и адаптации, представляет собой революционную технологию. На протяжении последних десятилетий мы стали свидетелями значительного прогресса в области машинного обучения и нейронных сетей, что позволило реализовать проекты, когда-то казавшиеся фантастическими. ИИ находит применение в медицине для диагностики заболеваний, в финансах для управления инвестициями, в автомобилестроении для создания беспилотных транспортных средств и во многих других областях.

Применение ИИ в праве порождает ряд этических и философских вопросов [8, с. 92]. Среди них – вопросы справедливости и объективности алгоритмических решений, проблемы конфиденциальности и защиты персональных данных, а также вопросы ответственности за ошибки ИИ [5]. Эти вопросы требуют глубокого понимания как технологических особенностей ИИ, так и философских и этических принципов правосудия и правоприменения.

Применение ИИ в правоприменении открывает новые горизонты для улучшения эффективности и точности юридических процессов. От автоматизации документооборота до помощи в принятии судебных решений, ИИ может существенно ускорить и упростить многие процессы. Однако, вместе с новыми возможностями, возникают и новые вызовы, особенно в контексте этических и правовых норм.

Типы ИИ, используемые в правоприменении. В правоприменении используются различные типы ИИ, включая системы машинного обучения, нейронные сети и алгоритмы обработки естественного языка. Машинное обучение применяется для анализа больших объемов юридических данных и выявления закономерностей. Нейронные сети используются в сложных задачах прогнозирования и классификации, связанных с юридическими случаями. Алгоритмы обработки естественного языка облегчают взаимодействие человека с юридическими информационными системами.

Способы использования ИИ в условиях цифровизации. Можно выделить следующие перспективные способы использования искусственного интеллекта в правоприменении.

Во-первых, анализ данных и прогнозирование преступлений. Искусственный интеллект играет важную роль в анализе данных и прогнозировании преступлений, содержащихся в Уголовном кодексе Российской Федерации [1]. Используя алгоритмы машинного обучения, системы ИИ анализируют большие массивы данных о преступлениях, помогая правоохранительным органам выявлять закономерности и потенциальные риски. Например, в некоторых городах ИИ используется для прогнозирования районов повышенного криминального риска, что позволяет более эффективно распределять ресурсы полиции. Эти системы демонстрируют значительное улучшение в профилактике преступлений, хотя и вызывают вопросы, связанные с конфиденциальностью и непредвзятостью.

Во-вторых, автоматизация юридических процедур и документооборота. В юридической сфере ИИ активно применяется для автоматизации рутинных задач и обработки больших объемов документации. Системы ИИ помогают в классификации, сортировке и анализе юридических документов, что значительно ускоряет работу юристов и снижает риск человеческих ошибок. Например, автоматизированные системы обработки исковых заявлений, контрактов и других юридических документов повышают эффективность работы юридических отделов и судов [3].

В-третьих, ИИ в судопроизводстве и принятии решений. Использование ИИ в юридических процессах имеет потенциал не только для повышения эффективности, но и для усиления прозрачности и справедливости. Автоматизация рутинных задач сократит время и ресурсы, тратимые на документооборот и административную работу, позволяя юристам и судьям сосредоточиться на более сложных аспектах дел. Кроме того, применение ИИ для анализа юридических прецедентов и законодательства может обеспечить более глубокое понимание и более обоснованные решения.

Перспективы интеграции ИИ в юридическую систему остаются предметом активных дискуссий. Ожидается, что ИИ не заменит человеческий элемент в правосудии, но станет мощным инструментом в руках юристов и судей [6]. В будущем возможно создание гибридных систем, где ИИ будет использоваться для предварительного анализа дел, а окончательные решения будут приниматься человеком. Такая интеграция потребует тщательной проработки как технологических, так и юридических аспектов [2].

В-четвертых, использование ИИ в деятельности органов внутренних дел. В правоохранительной деятельности ИИ используется для улучшения оперативной эффективности и точности расследований. Применение технологий распознавания образов и аналитических систем помогает в расследовании преступлений и поиске преступников [12]. Например, системы распознавания лиц помогают в идентификации подозреваемых на основе видеоматериалов. Однако, такое использование ИИ также связано с проблемами конфиденциальности и возможности злоупотреблений.

Системы распознавания лиц, используемые в полицейской работе, например, в Китае, демонстрируют высокую эффективность в идентификации подозреваемых и преступников. Однако, эти системы вызывают значительные опасения по поводу конфиденциальности, личных свобод и возможности неправомерного надзора. В некоторых странах исследуются возможности использования ИИ для поддержки судебных решений. Например, в Эстонии рассматривается возможность использования ИИ для рассмотрения дел малой значимости. Хотя этот подход обещает ускорение судебного процесса, он также поднимает вопросы о справедливости решений, принятых без прямого участия человека.

При применении ИИ в правоприменении важно учитывать этические и правовые аспекты. Вопросы непредвзятости алгоритмов, защиты персональных данных и конфиденциальности являются ключевыми. Необходимо разработать строгие правовые рамки для использования ИИ, чтобы обеспечить соблюдение прав человека и принципов справедливости.

Несмотря на многочисленные перспективы, использование ИИ в правоприменении сопряжено с рядом вызовов. Технические ограничения, связанные с текущим уровнем развития ИИ, этические дилеммы, связанные с автоматизацией юридических решений, и правовые вопросы ответственности за ошибки ИИ требуют дальнейшего изучения и регулирования. Кроме того, важно обеспечить защиту персональных данных и непредвзятость алгоритмов.

Среди рисков использовании ИИ следует выделить следующие:

– *Проблемы конфиденциальности и защиты данных.* Одним из ключевых правовых рисков, связанных с использованием ИИ в правоприменении, является обеспечение конфиденциальности и защиты данных. ИИ-системы часто обрабатывают большие объемы чувствительной информации, что порождает опасения по поводу утечек данных и неправомерного доступа. Необходимо усилить меры защиты данных и разработать строгие процедуры их обработки, чтобы предотвратить злоупотребления и гарантировать конфиденциальность.

– *Ответственность за ошибки и решения, принятые на основе ИИ.* Вопросы юридической ответственности за ошибки ИИ представляют собой значительный правовой вызов. Сложность определения ответственности за ошибочные решения, принятые на основе выводов ИИ, усугубляется тем, что алгоритмы ИИ могут быть сложными и непрозрачными. Это требует разработки новых правовых рамок, которые могли бы четко определять ответственность за ошибки ИИ, особенно в ситуациях, когда они приводят к серьезным последствиям [9, с. 483].

– *Этические вопросы автоматизированного принятия решений*. Автоматизированное принятие решений с помощью ИИ поднимает ряд этических вопросов, включая потенциальную предвзятость алгоритмов и отсутствие прозрачности в процессе принятия решений. Существует опасение, что ИИ, обученный на основе исторических данных, может воспроизводить существующие предубеждения и неравенство. Обеспечение этических основ для автоматизированных систем и поддержание баланса между эффективностью и справедливостью являются ключевыми задачами.

– *Регулирование и нормативное управление ИИ.* Существующее законодательство часто не учитывает уникальные особенности и вызовы, связанные с использованием ИИ. Важно разработать новые законодательные и нормативные рамки, способные адекватно регулировать использование ИИ, обеспечивая защиту прав человека и предотвращая злоупотребления. Это требует междисциплинарного подхода, сочетающего техническое понимание ИИ с юридической экспертизой.

– *Международные аспекты и согласование стандартов.* Использование ИИ в правоприменении также имеет международный аспект, требующий согласования стандартов и подходов. Важно учитывать различия в законодательствах разных стран и разрабатывать международные протоколы и стандарты для использования ИИ в правоприменительной сфере. Это поможет предотвратить конфликты юрисдикций и способствовать эффективному международному сотрудничеству.

Искусственный интеллект уже стал неотъемлемой частью правоприменительной деятельности, и его роль будет только возрастать. Важно, чтобы развитие ИИ в юридической сфере шло рука об руку с обеспечением правовых гарантий, этических стандартов и защиты прав человека. Взвешенный подход к внедрению ИИ позволит использовать его преимущества для достижения более справедливой и эффективной юридической системы.

ИИ имеет потенциал радикально трансформировать юридическую практику и правоприменение. Это может привести к увеличению доступности и качества юридических услуг, однако также несет риски, связанные с этическими и правовыми аспектами его использования. Будущее ИИ в праве будет во многом зависеть от того, как мы сможем сбалансировать эти возможности и риски [11].

Очевидно, что дальнейшее исследование в области ИИ и права должно сосредоточиться на разработке надежных и этичных систем, которые могут повысить эффективность правоприменения без ущерба для справедливости и прав человека. Важно продолжить изучение вопросов ответственности и прозрачности в принятии решений ИИ. Также необходимо обеспечить адаптацию законодательства к новым реалиям, которые вносит применение ИИ.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // www.consultant.ru

2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 “О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации” (вместе с “Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года”) // www.consultant.ru

3. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» [Официальный сайт] // URL: https:// www.garant.ru/ products/ ipo/prime/doc/71477352/

4. *Битерман О.Э., Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовые основы обеспечения национальных проектов в сфере развития искусственного интеллекта в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2023. – № 2 (31). – С. 20–32.

5. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.

6. Искусственный интеллект в суде: как он будет работать. [Электронный ресурс] // URL: https://admguzyatino.ru/blog/chto-doveryat-iskusstvennomu-intellektu-v-sudebnyh-zasedaniyah

7. *Байгузина Л.З.* Современные финансовые технологии внедрения цифровизации в финансовую систему // ИПЭФ. – 2022. – № 4 // URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-finansovye-tehnologii-vnedreniya-tsifrovi- zatsii-v-finansovuyu-sistemu

8. *Иванова А.П.* Искусственный интеллект в сфере права и юридической практике: основные проблемы и перспективы развития // Социальные и гумани-

тарные науки. Отечественная и зарубежная литература. – Сер. 4. – Государство и право: Реферативный журнал. – 2021. – № 1 // URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-prava-i-yuridiche skoy-praktike-osnovnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya

9. *Овчинников А.И., Хакимов И.А.* Правоприменение, искусственный интеллект и контекстуальное значение принципов права // Юридическая техника. – 2020. – № 14 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprime-nenie-iskusstvennyy-intellekt-i-kontekstualnoe-znachenie-printsipov-prava

10. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с. ISBN 978-5-86247-154-0

11. *Хабриева Т.Я.* Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: стратегические задачи и правовые решения // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/ n/ protivodeystvie-legalizatsii-otmyvaniyu-doho- dov-poluchennyh-prestupnym-putem-i-finansirovaniyu-terrorizma-v-usloviyah-tsif-rovizatsii

12. *Шогенов З.А.* Киберпреступность: понятие, сущность, пути обнаружения и противодействия // Образование и право. 2022. № 8 // URL: https:// cyberleninka.ru/ article/ n/ kiberprestupnost-ponyatie-suschnost-puti-obnaruzheniya-i-protivodeystviya

Для цитирования: *Харазия С.С.* Искусственный интеллект в правоприменительной деятельности: теоретические основы, перспективы и правовые риски: статья // Юридическая мысль. – 2023. – № 4 (132). – С. 98–103.

DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.98

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN LAW ENFORCEMENT: THEORETICAL FOUNDATIONS, PROSPECTS AND LEGAL RISKS

Sofia S. Kharazia*

Annotation. The purpose of this article is a comprehensive analysis of the theoretical foundations, development prospects and potential legal risks associated with the use of artificial intelligence in law enforcement. In the era of digitalization and technological innovation, artificial intelligence is becoming an integral part of many aspects of our lives, where, from everyday use in smartphones to complex systems in industry and science, it transforms traditional approaches and creates new opportunities. Among the various areas where artificial intelligence is beginning to play a key role, law enforcement particularly stands out. This study is devoted to the analysis of the theoretical foundations, prospects and legal risks of its use in this area.

Key words: cybercrime; artificial intelligence; arbitrage practice; legal proceedings, digitalization, information civilization, ethics, law enforcement, internal affairs bodies.

* **Kharazia Sofia Saidovna**, 2nd year master's student at the Higher School of State Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov E-mail: harazzzia@ mail.ru

Artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) is a field of computer science that deals with the creation of machines capable of imitating and expanding human cognitive functions, which indicates a kind of “digital maturity” of science, entry into a new digital reality, into a cybernetic (information) reality. civilization [4, 7, 10]. The main characteristics of AI are the ability to learn, adapt, self-improvement and make decisions based on data analysis. There are two main categories of AI: weak (or highly specialized), whose task is to perform specific functions, and strong AI, capable of complex understanding and solving problems at the level of human intelligence.

The history of AI goes back to the mid-20th century, when the first computer programs were able to imitate basic aspects of human thinking. In the context of law, the first attempts to use AI are related to the automation of processes for analyzing legal documents and supporting decision-making. Since then, AI technologies have undergone significant development, which has allowed them to expand their use in the legal field.

Artificial intelligence, with its ability to learn and adapt, is a revolutionary technology. Over the past decades, we have witnessed significant progress in the field of machine learning and neural networks, which has made it possible to implement projects that once seemed fantastic. AI is used in medicine for diagnosing diseases, in finance for managing investments, in the automotive industry for creating unmanned vehicles, and in many other areas.

The use of AI in law raises a number of ethical and philosophical questions [8, p. 92]. Among them are questions of fairness and objectivity of algorithmic decisions, problems of confidentiality and protection of personal data, as well as questions of responsibility for AI errors [5]. These questions require a deep understanding of both the technological features of AI and the philosophical and ethical principles of justice and law enforcement.

The use of AI in law enforcement opens up new horizons for improving the efficiency and accuracy of legal processes. From automating document flow to assisting in judicial decision-making, AI can significantly speed up and simplify many processes. However, along with new opportunities, new challenges also arise, especially in the context of ethical and legal standards.

Types of AI used in law enforcement. Various types of AI are used in law enforcement, including machine learning systems, neural networks, and natural language processing algorithms. Machine learning is used to analyze large volumes of legal data and identify patterns. Neural networks are used in complex prediction and classification problems related to legal cases. Natural language processing algorithms facilitate human interaction with legal information systems.

Ways to use AI in the context of digitalization. The following promising ways of using artificial intelligence in law enforcement can be identified.

First, data analysis and crime forecasting. Artificial intelligence plays an important role in analyzing data and predicting crimes contained in the Criminal Code of the Russian Federation [1]. Using machine learning algorithms, AI systems analyze large amounts of crime data, helping law enforcement agencies identify patterns and potential risks. For example, some

cities are using AI to predict high-crime risk areas, allowing police resources to be allocated more efficiently. These systems show significant improvements in crime prevention, although they raise issues related to confidentiality and impartiality.

Secondly, automation of legal procedures and document flow. In the legal field, AI is actively used to automate routine tasks and process large volumes of documentation. AI systems help in classifying, sorting and analyzing legal documents, which significantly speeds up the work of lawyers and reduces the risk of human errors. For example, automated systems for processing claims, contracts and other legal documents increase the efficiency of legal departments and courts [3].

Thirdly, AI in legal proceedings and decision making. The use of AI in legal processes has the potential not only to improve efficiency, but also to enhance transparency and fairness. Automation of routine tasks will reduce time and resources spent on paperwork and administrative work, allowing lawyers and judges to focus on the more complex aspects of cases. Additionally, using AI to analyze legal precedents and legislation can provide deeper insights and more informed decisions.

The prospects for integrating AI into the legal system remain the subject of active debate. It is expected that AI will not replace the human element in justice, but will become a powerful tool in the hands of lawyers and judges [6]. In the future, it is possible to create hybrid systems where AI will be used for preliminary analysis of cases, and final decisions will be made by humans. Such integration will require careful consideration of both technological and legal aspects [2].

Fourthly, the use of AI in the activities of internal affairs bodies. In law enforcement, AI is used to improve operational efficiency and accuracy of investigations. The use of pattern recognition technologies and analytical systems helps in investigating crimes and finding criminals [12]. For example, facial recognition systems help in identifying suspects based on video footage. However, this use of AI also comes with privacy concerns and potential for abuse.

Facial recognition systems used in police work, for example in China, demonstrate high efficiency in identifying suspects and criminals. However, these systems raise significant concerns about privacy, personal freedoms, and the possibility of inappropriate surveillance. Some countries are exploring the use of AI to support judicial decisions. For example, Estonia is considering the possibility of using AI to consider cases of minor importance. While this approach promises to speed up the judicial process, it also raises questions about the fairness of decisions made without direct human input.

When using AI in law enforcement, it is important to consider ethical and legal aspects. Issues of algorithmic impartiality, personal data protection and privacy are key. There is a need to develop strict legal frameworks for the use of AI to ensure respect for human rights and principles of justice.

Despite its many promise, the use of AI in law enforcement poses a number of challenges. Technical limitations associated with the current level of AI development, ethical dilemmas associated with the automation of legal deci-

sions, and legal issues of liability for AI errors require further study and regulation. In addition, it is important to ensure the protection of personal data and the impartiality of algorithms.

Among the risks of using AI, the following should be highlighted:

– *Confidentiality and data protection issues*. One of the key legal risks associated with the use of AI in law enforcement is ensuring confidentiality and data protection. AI systems often process large volumes of sensitive information, raising concerns about data leaks and unauthorized access. It is necessary to strengthen data protection measures and develop strict data processing procedures to prevent abuse and guarantee confidentiality.

– *Responsibility for errors and decisions made based on AI*. Issues of legal liability for AI errors pose a significant legal challenge. The difficulty of assigning responsibility for erroneous decisions made based on AI findings is compounded by the fact that AI algorithms can be complex and opaque. This requires the development of new legal frameworks that could clearly define responsibility for AI errors, especially in situations where they lead to serious consequences [9, p. 483].

– *Ethical issues of automated decision making*. Automated decision making with AI raises a number of ethical issues, including potential algorithmic bias and a lack of transparency in the decision-making process. There is concern that AI trained on historical data could reproduce existing biases and inequalities. Providing an ethical framework for automated systems and maintaining a balance between efficiency and fairness are key challenges.

– *Regulation and regulatory governance of AI.* Existing legislation often does not take into account the unique features and challenges associated with the use of AI. It is important to develop new legislative and regulatory frameworks that can adequately regulate the use of AI, ensuring the protection of human rights and preventing abuse. This requires an interdisciplinary approach that combines technical understanding of AI with legal expertise.

– *International aspects and harmonization of standards.* The use of AI in law enforcement also has an international dimension, requiring harmonization of standards and approaches. It is important to take into account differences in the laws of different countries and develop international protocols and standards for the use of AI in law enforcement. This will help prevent jurisdictional conflicts and promote effective international cooperation.

Artificial intelligence has already become an integral part of law enforcement, and its role will only increase. It is important that the development of AI in the legal field goes hand in hand with ensuring legal guarantees, ethical standards and the protection of human rights. A balanced approach to AI adoption will leverage its benefits to achieve a fairer and more efficient legal system.

AI has the potential to radically transform legal practice and enforcement. This may lead to increased availability and quality of legal services, but also carries risks associated with the ethical and legal aspects of its use. The future of AI in law will largely depend on how we can balance these opportunities and risks [11].

It is clear that future research in AI and law should focus on developing robust and ethical systems that can improve the effectiveness of law enforcement without compromising justice and human rights. It is important to continue studying the issues of responsibility and transparency in AI decision-making. It is also necessary to ensure that legislation is adapted to the new realities brought about by the use of AI.

Bibliography

1. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on March 18, 2023) // www.consultant.ru

2. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation” (together with the “National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030”) // www.consultant.ru

3. Order of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 No. 251 “On approval of the Procedure for submitting documents to federal courts of general jurisdiction in electronic form, including in the form of an electronic document” [Official website] // URL: https:// www.garant.ru/ products/ ipo/prime/doc/71477352/

4. Bitterman O.E., Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal basis for ensuring national projects in the field of development of artificial intelligence in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. 2023. No. 2 (31). Pp. 20–32.

5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). Pp. 38–46.

6. Artificial intelligence in court: how it will work. [Electronic resource] // URL: https://admguzyatino.ru/blog/chto-doveryat-iskusstvennomu-intellektu-v-sudebnyh-zasedaniyah

7. Bayguzina L.Z. Modern financial technologies for introducing digitalization into the financial system // IPEF. 2022. No. 4 // URL: https:// cyberleninka.ru/ article/n/sovremennye-finansovye-tehnologii-vnedreniya-tsifrovi- zatsii-v-finansovuyu-sistemu

8. Ivanova A.P. Artificial intelligence in the field of law and legal practice: main problems and development prospects // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 4. State and law: Abstract journal. 2021. No. 1 // URL: https:// cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-sfere-prava-i-yuridicheskoy-praktike-osnovnye-problemy-i-perspektivy-razvitiya

9. Ovchinnikov A.I., Khakimov I.A. Law enforcement, artificial intelligence and the contextual meaning of the principles of law // Legal technology. 2020. No. 14. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoprime-nenie-iskusstvennyy-intellekt-i-kontekstualnoe-znachenie-printsipov-prava

10. Theoretical and legal paradigm of the existence of cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarova. Moscow: Publishing house MATGiP, 2022. 320 p. ISBN 978-5-86247-154-0

11. Khabrieva T.Ya. Combating the legalization (laundering) of criminal income and the financing of terrorism in the context of digitalization of the economy: strategic objectives and legal solutions // All-Russian Journal of Criminology. 2018. No. 4 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-legalizatsii-otmyvaniyu-dohodov-poluchennyh-prestupnym-putem-i-finansirovaniyu-terrorizma-v-usloviyah-tsifrovizatsii

12. Shogenov Z.A. Cybercrime: concept, essence, ways of detection and counteraction // Education and Law. 2022. No. 8. URL: https:// cyberleninka.ru/ article/n/kiberprestupnost-ponyatie-suschnost-puti-obnaruzheniya-i-protivodeystviya

For citation: Kharazia S.S. Artificial intelligence in law enforcement: theoretical foundations, prospects and legal risks: article // Legal Thought. 2023. No. 4 (132). P. 103–112.
DOI: 10.47905/MATGIP.2023.132.4.98

Conflict of interest.
The authors confirm the absence of a conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ
к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре.** Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу.

Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов;

– **аннотация статьи (не менее 5 строк);**

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте **(в отпечатанном виде)** и с **электронной копией**.

8. Рецензии присылаются вместе со статьями. В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS
for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House "Law Institute" (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author),** indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers;

– **abstract of the article (not less than 5 lines)**

– **keywords (not less than 10 words)**

– **review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru**; **komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается
степень бакалавра или ***магистра***
(в зависимости от срока обучения)
и выдается ***диплом государственного образца о высшем образовании***

Срок обучения:
ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со ***средним юридическим*** и ***высшим (неюридическим) образованием*** –
ускоренный курс обучения – *3 года*

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ
по научным специальностям:

5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
5.1.2.– Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: http://lawinst-spb.ru/magazine
http://matgip.ru
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 27.09.2023. Формат 61x86 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 13,57. Усл. п.л. 7,65. Тираж 100 экз. Заказ № 26247.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru